

журнал для нас и наших детей

УШИНА

№1(14) январь-март 2007

ОЛХОН: записки путешественника

«ОТЧЕ НАШ»
Рождественская
история

IV молодёжное
Первенство Европы
по ДЗЮДО

Праздник
своими
руками

Содержание

Проповедь митрополита Суражского Антония в праздник Рождества Христова	2
2 «золота» у России	4
Валентина Рыбкина	
«Хочешь увидеть чудеса – иди в миссионеры»	8
Ольга Курова	
Рождественский калейдоскоп	12
Ольхон: записки путешественника	14
Михаил Гуманов	
Бородинский хлеб: история верности и любви	20
Галина Кириллова	
Крест во льдах	26
Валентина Михайлова	
«Отче наш...»	30
Владимир Порутчиков	
Мой крестик	36
Марина Гордон	
Город-звон	38
Анастасия Колпакова	
Дед Мороз и зайцы	44
Светлана Архипова	
Ангел мой	48
Елена Шутикова	

Главный редактор А.И. Буркин

Ответственный редактор А.М. Сторожева

Главный художник Н.Г. Вдовина

Технический администратор, цветокоррекция, вёрстка Д.Н. Бессонов

Художник А.А. Румянцев

Фото: А.А. Горбаченко, Ю.А. Кавер

Корректор Г.А. Тарунтаева

Над номером работали: Л.И. Бондаренко,

И.А. Дёмин, В.В. Остапчук, Н.В. Рымарь

Адрес редакции:

119019, г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 7а

Тел.: (095) 203-65-48, тел./факс: 203-69-26

E-mail: kupina-red@yandex.ru

Редакция журнала благодарит:

Адвокатское бюро «Кривцов и партнёры» г. Москва, ЗАО «РФИ Банк»,

ЦВ «Протек», Я.Т. Бойко, Н.Г. Гадебского, Ю.А. Косынкина,

С.В. Крашевского, Д.В. Кривцова, Ю.В. Кривцова, И.Р. Ладыгину,

С.В. Смирнова, В.А. Шаблинского, В.С. Якунина

Отпечатано в полиграфическом комплексе «Пушкинская площадь»

Тел.: (095) 781-10-10.

www.pkpp.ru

Тираж 10 000 экз.

Подписано в печать 18.12.2006 г.

Из проповеди 1970 г. митрополита Сурожского Антония
в день празднования

Рождества Христова

Фото: Юрий Кавер

Рождество Христово, которое мы сегодня празднуем с такой лёгкостью сердца, с такой благодарностью и радостью, заслуживает внимания не только нас, людей, но и всей твари, потому что это Рождество Христово, воплощение Слова Божия, принесло нам небывалую, непостижимую, новую весть как о Боге, так и о человеке, и обо всей твари.

Языческие народы могли себе представить Бога великого, Бога небесного, как бы воплощающего всё великое, величественное, дивное, о чём человек может мечтать на земле. Но только Бог мог открыться человеку, каким Он открылся в Рождестве Христовом: Бог стал одним из нас. Но не в славе, а в немощи; беспомощным и обездоленным; уязвимым и как будто побеждённым; презренным для всех, кто верит только в силу и в земное величие. В эту первую ночь, когда Бог стал человеком, Он приобщился к самой тяжёлой человеческой обездоленности. Никто не принял Его Мать под кров свой; все сочли Его чужим, все отослали Его на далёкий, бесконечный путь, который простирался перед странниками без крова и без привета. И они пошли — и в эту первую ночь Христос приобщился всем тем, которые из века в век проходят через жизнь и телесно, и духовно отброшенными, презренными, нежеланными, исключёнными из человеческого общества. А таких людей в истории человечества — несметное количество. И по сей день — увы! — в больших городах и на просторах земных сколько таких людей, которым некуда пойти, которых никто не ждёт, о которых никто не воздыхает, которым никто не го-

тов открыть свой дом. Наше дело, христиан, увидеть в них образ Того Бога, Которого мы благоговейно сегодня чтим, и таких принять, как мы приняли бы теперь Христа, если бы Он явился перед нами обездоленным, уязвимым, беспомощным, презренным, ненавидимым, гонимым...

Всмотримся в этот образ Воплощения: Христос нам явил смирение и любовь Божию, веру Божию во всю тварь, в нас, грешников, падших, и нам явил одновременно, как мы можем быть велики и как глубока, бездонно глубока тварь Господня. Вот с этой верой мы можем жить, можем становиться людьми во всю меру Христова воплощения, и рассматривать мир, в котором мы живём, не только как мёртвый материал,

а как то, что призвано стать в конце концов видимым одеянием Божества, когда Бог станет всем во всём.

Он открыл нам также такую любовь, какой прежний мир не знал, а современный мир боится: любовь, которая согласна быть уязвимой, беспомощной, изливающейся, истощающей себя, щедрой, жертвенной; любовь, которая даёт без меры; любовь, которая даёт не только то, что имеет, но самое себя. Христос сказал, что свет во тьме светит, и тьма не может объять его, но не может и погасить. И свет этот светит и будет светить, но победит он только, если мы станем его провозвестниками и делателями заповедей о правде и о любви, если мы примем Божие видение о мире и принесём его всему миру – нашу веру, то есть нашу уверенность и надежду, единственную силу, которая может помочь другим начать жить по-новому. Но для того, чтобы начать жить заново, они должны увидеть новизну в нас. Мир зачаточно стал новым через соединение Бога с человеком, когда Слово стало плотью; мы теперь должны стать откровением этой новизны, славой и сиянием Божиими во тьме или сумерках этого мира.

Да даст нам Господь смелость и любовь, великодушие быть Его провозвестниками и свидетелями, и да будет благословение Господне на вас. Того благодатно и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков!

Аминь.

В московском спортивном зале «Дружба» спорткомплекса «Лужники» 25 и 26 ноября 2006 г. прошло IV молодежное первенство Европы по дзюдо среди спортсменов до 23 лет.

2 «золота» у РОССИИ

Текст: Валентина Рыбкина
Фото: Александр Горбаченко

Нередко случается так, что, когда «взрослые» чемпионаты континентов и чемпионаты мира уже выявили опытных мастеров, фаворитов состязания, в последний момент в борьбу вступает малоизвестный, но одарённый новичок, захватывающий пальму первенства.

Увидеть, как сражаются будущие чемпионы, стало возможно на прошедшем молодёжном первенстве Европы. В «Лужники» в эти два дня пришло множество зрителей. Ведь вскоре многие из этих 20–22-летних спортсменов могут занять достойное место в олимпийской команде 2008 года.

История состязаний среди спортсменов этой возрастной категории невелика – первый чемпионат Европы состоялся в 2003 году в Ереване. Затем дзюдоистов принимали Любляна и Киев. И вот – наконец – Москва. Радостно сознавать, что с каждым соревнованием мастерство наших спортсменов повышается. Из Любляны россияне привезли лишь две серебряные награды, из Киева – целых семь («золото», три «серебра» и три «бронзы»). В 2006 году российская молодёжь заняла в общекомандном зачёте первое место, завоевав по две золотые и серебряные медали, а также 5 бронзовых наград.

В Москве своих спортсменов выставили более сорока государств Европы. Свыше 300 дзюдоистов оспаривали звания чемпионов. Самые представительные сборные (7 деву-

шек и 7 юниоров) прислали на турнир Испания, Великобритания, Украина и хозяйка первенства – Россия. Прибыли в Москву и главы национальных федераций Европы, а также президент континентального союза дзюдо Мариус Визер. Вместе с руководителем Федерации дзюдо России и Национального союза дзюдо А.В. Гордеевым, а также главой Всемирного фонда развития дзюдо Аркадием Ротенбергом, президент ЕСД торжественно открыл состязания в российской столице.

Масштаб турнира ясно показывает место российского дзюдо в мировой иерархии. К России сегодня относятся как к равноправному члену своего борцовского мира. В Москву на турнир по борьбе попасть нелегко и почётно: нужно пройти через жёсткий местный отбор, чтобы принять участие в этом празднике спорта. Российская команда приехала на соревнование после «переходного» чемпионата страны в Твери. А всего за неделю до первенства российская сборная опробовала свои силы на представительном турнире "Cup Korea Open". В споре с сильными соперниками из стран Азии и Европы наши спортсмены смогли завоевать одну золотую и три бронзовые награды. На верхнюю ступень пьедестала поднялась сибирячка Наталья Соколова, обыгравшая в финале хозяйку турнира Джун Джи-Вон.

Вспоминая о прошедшем состязании, наши спортсмены говорят, что шли к победе весьма уверенно. Так, завоевавший бронзовую медаль в весовой категории до 73 кг пермяк Александр Бурылов рассказывает: «Честно говоря, готовясь к этому турниру, я не думал ни о каком месте, кроме первого, потому что я чувствовал свою готовность победить». Лишь во второй своей схватке пермяк допустил небольшую оплошность и уступил бельгийцу Дирку ван Тихельту. Это не

позволило нашему земляку продолжить борьбу за европейское «золото».

На высшую ступень пьедестала поднялись двое россиян – тверичанка Арина Александрова (категория до 57 кг) и краснодарец Шамиль Наш (60). Чемпионка Европы в категории до 57 кг Арина Александрова могла завершить свое выступление на турнире уже после первой схватки, когда пропустила приём соперницы и упала. Но настойчивый характер и воля к победе тверской дзюдоистки помогли ей выстоять и пройти дальше.

По итогам первого дня россияне завоевали четыре медали: два «золота», «серебро» и «бронзу». По итогам второго – «серебро» и четыре бронзовые награды.

Чрезвычайно важна и оценка организации турнира самими участниками соревнований, спортсменами. Все дзюдоисты тепло вспоминают московский приём, отдавая дань русскому гостеприимству. Так, чемпионка Европы Арина Александрова рассказывает: «Хочу отметить, что организация турнира была на очень высоком уровне. Не возникло ни единой проблемы с едой, размещением, транспортом, как это порой бывает даже на самых крупных международных соревнованиях».

Победитель в категории 66 кг Дан Георг Фазия (Румыния) также вспоминает: «Я второй раз приезжаю в Россию, в про-

шлый раз я был в Санкт-Петербурге, и хочу сказать, что Москва – красивейший и лучший город в вашей стране».

Победительница Первенства Европы в весе 78 кг Мари Веркерк (Голландия): «Ещё я хотела бы отметить отличную организацию турнира, в эти два дня не возникало никаких вопросов, никаких проблем. Спасибо российской стороне за гостеприимство».

В своём приветственном слове к участникам Первенства Европы президент национального союза дзюдо и Федерации дзюдо России А.В. Гордеев отметил: «Традиционно первенство Европы является ярчайшим спортивным событием календаря. С каждым годом число участников подобных турниров возрастает, как растёт и мастерство молодых европейских дзюдоистов».

На церемонии награждения победителей европейского турнира Председатель Центрального Совета Общероссий-

ского общественного движения «Россия Православная» А.И. Буркин подчеркнул: «Воспитание подрастающего поколения на исторических и духовных традициях дает нам прочную, устойчивую нравственную основу».

В эту основу вложены такие важные слова, как совесть, мужество, терпение, трудолюбие, справедливость, милосердие – и, конечно, любовь. А с любовью каждый одерживает победу прежде всего над собой, и, разумеется, на татами, и в жизни, в общественном и государственном служении».

Остаётся только пожелать нашим спортсменам блестящего олимпийского будущего. Победы россиян на прошедшем соревновании позволяют верить, что отечественный спорт будет прославлен ещё не на одном европейском соревновании и наши дзюдоисты не раз взойдут на высшую ступень почёта.

Отец Даниил Сысоев — настоятель храма святого апостола Фомы и организатор общины строящегося храма в честь пророка Даниила на Кантемировской. Поводом для нашей встречи стало открытие миссионерского центра во имя святого апостола Фомы. С отцом Даниилом беседует Ольга Курова.

«Хочешь узидеть
чудеса —

Текст: Ольга Курова

Фото: Александр Горбаченко

иди в миссионерны!»

– Отец Даниил, повод для нашего разговора – открытие миссионерского центра. Несложно догадаться, что этому предшествовала большая предварительная работа. Расскажите, пожалуйста, как всё начиналось.

– Если вспомнить самое начало, наверное, это будет 1993 год, когда я миссионерствовал прямо на улицах. А с августа 1996 года я уже совершенно официально, по благословению Святейшего Патриарха, веду миссионерские библейские беседы на Крутицком Патриаршем подворье. Эти беседы сначала предназначались для обращения протестантов, потом стало появляться всё больше оккультистов и жертв разнообразных «чародеев». А затем я занялся миссией среди мусульман. Так что наш центр открыт и для пострадавших от экстрасенсов и тоталитарных сект, и для молодёжи, желающей познакомиться с основами христианства, и для иноверцев.

– Какие цели вы ставите перед собой?

– Не так давно мы освятили временный храм во имя св. апостола Фомы. Строится большой миссионерский храм в честь пророка Даниила, в котором будет придел апостола Фомы. Этот придел сегодня уже функционирует, пока как отдельный храм. Одна из наших целей – обращение ко Христу нехристиан, по большей части нерусских. Район Кантемировской, где он расположен, – это район различных диаспор. Кроме того, здесь очень активно действуют секты. Недалеко от храма находится крупный центр мормонов, есть в районе и баптисты, адвентисты, оккультисты. А православных до недавнего времени не было.

Мы открыли огласительную школу об основах христианства. У нас каждые пять недель проходит цикл из пяти огласительных бесед, для тех, кто хочет принять крещение или просто больше узнать о христианстве. При храме уже действует Общество Православных татар и разворачивает свою деятельность Информационное агентство святого Ахмета.

В ближайшее время мы хотим провести День открытых дверей: расклеим по всему району объявления, что в такой-то день все желающие могут прийти в храм и задать любой вопрос священнику. В дальнейшем мы хотели бы устраивать такой день раз в три месяца.

Ещё мы работаем с молодёжью – рядом находится МИ-ФИ (Московский инженерно-физический институт). Странно, что мы первые, кто догадался проводить молебны перед сессией. Молебны перед началом учебного года уже стали во всех православных храмах традицией, а ведь сессия – куда более напряжённое время. Но почему-то студенты ограничиваются тем, что иногда ставят свечки. Мы же совершаем молебны перед сессией после литургии и приглашаем всех студентов.

– Неужели вы, батюшка, справляетесь со всей этой массой дел в одиночку? У вас есть помощники, какая-то инициативная группа?

– Да, инициативная группа есть, она сформировалась ещё на Крутицком подворье. Это и татарская православная

община, которая существует с 2003 года. Но, конечно, в деле миссии участвуют самые разные христиане, принадлежащие к самым разным народам. После праздника Крещения Господня мы надеемся открыть миссионерские курсы. Возможно, позднее на их базе мы создадим миссионерский институт, который будет готовить проповедников Евангелия. Проповедь будет всякая: уличная, интернетовская, в вузах. Мы хотим отобрать у сектантов их оружие.

– Как вы работаете с диаспорами? Вот живут на Кантемировской, например, азербайджанцы. Как можно войти в их среду, о чём можно с ними говорить?

– Насчёт азербайджанской общины ничего сказать не могу, потому что я пока не налазил с ними контакты. Много могу рассказать о татарской диаспоре. Я неоднократно выступал в Татарском культурном центре, ездил с выступлениями в Казань. Татары – третья по численности национальность в Москве. И наша работа идёт достаточно успешно: многие татары, особенно молодые, принимают христианство. С 2003 года провожу молебны на татарском языке об обращении заблудших.

Наша задача – разрушить преграды, которые существуют в культуре различных народов и мешают им принять православие. Новость о том, что православие – вселенская вера, в которую призваны все народы, до сих пор скандальна.

– А как должен вести себя со сверстниками настоящий юный миссионер?

– Миссионер должен первым начинать разговор о Боге, иначе он никакой не миссионер. Но в то же время нужно трезво оценивать свои силы и знания. Нужно знать ответы на наиболее часто встречающиеся вопросы сверстников о христианстве. Нужно помнить, что лучшая самооборона – это наступление. Никогда не нужно стесняться говорить, что ты прав, а они не правы. Не нужно расшаркиваться перед каждым слушателем. Но в то же время, доказывая свою правоту, нельзя унижать другого человека. За каждого человека взойдёт на Голгофу Христос. Нужно помнить, что уважать следует человека, а не его заблуждения. Должно быть отторжение лжи, а к человеку любовь.

Подростку часто бывает сложно пойти против коллектива, стать «белой вороной», но необходимо иметь смелость. Раньше, в дни моей юности выделяться, быть непохожим на других считалось престижно, думаю, нужно возрождать такую традицию. «Белая ворона» – благородная птица. Настоящий христианин должен понимать это. А если не хватает сил, просить у Бога. Юный миссионер, конечно, должен быть готов к тому, что его слова могут вызвать скандал и возмущение. Не стоит этого бояться. Миссия наша состоит и в том, чтобы неприятные вещи говорить. Вы обратили внимание, что, когда читаешь Библию, бывает тяжело на душе: эта Книга начинает тебя судить. Но это не значит, что правду нужно скрывать. Сам Господь сказал – горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо.

Ещё одна ошибка, которая может подстергать миссионера, — это попытка заострить миссию на какие-то группы людей. Появляется миссия для детей, миссия для молодёжи... Многие умные, глубокие молодые люди эту миссию не принимают. Почему? Да потому, что когда мы обращаемся к молодёжи на её языке, как бы снисходя, мы их фиксируем на уже достигнутом уровне. А мы их должны поднимать выше, поднимать к мудрости, а не оставлять на том уровне, который они уже, возможно, переросли. Даже с детьми лучше говорить как с взрослыми, чем как с детьми.

Ну и, конечно, нельзя забывать молиться и ходить в храм, потому что иногда неправильно понятое миссионерство увлекает человека настолько, что он не молится и в храм не ходит.

— **А почему в храм нужно обязательно ходить каждое воскресенье?**

— Потому что Господь дал такую заповедь: шесть дней себе, седьмой день — Господу Богу. Он вправе потребовать, чтобы мы отдали Ему часть своего времени как жертву. Второе — мы должны помнить о Небесном Господине, о Небесной Родине.

Если угодно, все мы, христиане — воины. Мы ведём непрерывные боевые действия против лукавого. И Церковь — то место, где мы с помощью причастия подкрепляем свои силы для дальнейших сражений. Там мы получаем и поддержку через взаимное общение, и учимся противостоять князю мира сего с помощью добрых дел. Естественно, если воин не слушает приказов командующего, в случае опасности не выходит на связь, он рискует потеряться, обессилеть и даже погибнуть. По правилам Церкви, человек, который без уважительной причины три воскресенья подряд не был на Божественной Литургии, отлучается от причастия.

Часто те, кто не посещает храм, начинают очень быстро уставать. Если кто-то думает, что отоспится в воскресенье

Община храма пророка Даниила на Кантемировской была создана по благословению Святейшего Патриарха Алексия II в ноябре 2003 года на территории Южного административного округа Москвы. Этот округ является третьим по площади в столице, однако застроен он был в советское время и поэтому совершенно лишён церквей.

В районах Москворечье-Сабурово и Северное Царицыно, к примеру, живёт свыше 200 тысяч человек, но до недавнего времени здесь не было ни одного православного храма. Особенно страдали от этого старики и инвалиды, совершенно оторванные от церковной жизни. 11 ноября 2006 года здесь наконец был торжественно освящён храм во имя святого апостола Фомы.

Новый храм — лишь начало миссионерской деятельности центра, открытого о. Даниилом. В планах общины — строительство храма пророка Даниила на 2 тысячи прихожан и комплекса зданий миссионерского центра. Община храма собирается развернуть и благотворительную деятельность — создать столовую для бедных и попечение о больных.

за всю неделю вместо посещения литургии, он очень скоро поймет, что воскресный сон оказывается ему совсем не в радость. Можно съесть барана, но остаться голодным, можно проспать 25 часов, но чувствовать себя невыспавшимся. Если Бог не даст тебе сил, ты нигде и ни в чем их не почерпнешь.

Если ты в кого-то влюблен, то постоянно хочешь видеть предмет своей любви, общаться. Тебя ведь не надо заставлять идти на свидание? Христианство построено на любви между Богом и человеком.

Ещё очень важно не искать себе оправданий, если пропускаешь церковную службу. Извинений мы найдем тысячу, но нам от этого будет только хуже. Нужно беспощадно бороться с грехом, с ленью. Христиане — это существа иного вида. Есть хомо сапиенс, а есть хомо христианус. Христиане должны общаться с представителями своего вида.

— **А почему у христиан другая природа?**

— Христианин — это не просто человек, а человек плюс Божественная сила, данная ему в Крещении. Дух Святой в сердце — это и благодать, и мир, и любовь.

— **У каждого путь в храм свой. Но у вас, как у миссионера, наверняка накопилось множество поразительных историй об обращении людей.**

— Зачем далеко ходить — у нас в храме есть Татьяна Имановна, моя ближайшая помощница. Она пришла из ислама в оккультизм, а оттуда, натолкнувшись на неприятные вещи, которые её испугали, — в Православие. Пришла она ко Христу — сначала просто как к спасению. А потом начала и воцерковляться. И чем глубже она воцерковлялась, тем хуже к ней относились родственники. Но вот ведь странно — чем хуже они к ней относились, тем больше у них стало проблем. Например, обругали её, выкинули иконы — у них в ту же ночь сгорела дача. Вот вам пример того, как Бог за своих заступается.

Есть и примеры чудесных исцелений. Однажды ко мне пришли родители ребенка, пятидесятники. Одно время они водили ребёнка по всяким «экстрасенсам». В результате у него поднялась температура до 39 градусов и держалась в течение трех месяцев. Ничем они её не могли сбить. Мы его крестили, причём очень торжественно, на Крещальной литургии. Он стоял, конечно, очень слабенький, но живо всем интересовался. После мы его причастили, и он поехал домой. Лёг спать, просыпается — 36,6. И с тех пор уже несколько лет не болеет.

Нередко бывает так, что всё объяснил человеку, разложил, он умом с тобой соглашается, а сердцем не приемлет. А помолится за него — он тут же изменился. У меня всегда после молебнов об обращении заблудших несколько человек крестятся. Так что если хочешь увидеть много чудес — иди в миссионеры или в мученики. Говорят, если хочешь кого-то помазать миром — сначала нальешь себе на руку и заблагоухаешь, а потом уже и другого помажешь. Так и тут — если хочешь другим рассказать о силе Бога, сначала сам её в себе почувствуешь.

— **Что бы вы пожелали читателям журнала «Купина»?**

— Желаю, чтобы все дети поняли: их задача — стать мудрецами. Нужно много читать, искать ответы на разные вопросы, но при этом не становиться гордыми и надменными, сохранять в сердце любовь. А Источник премудрости — Бог.

Ольхон:

Записки путешественника

Текст и фото: Михаил Гуманов

Байкал — одно из величественных мест России — интересен не только как самое большое на Земле пресноводное озеро или место обитания редких видов животных и рыб, но и как совокупность сравнительно неисхоженных, неиспорченных туристической индустрией маршрутов. Данный очерк посвящён острову Ольхон, на котором автор провёл полторы недели в июле 2006 года.

«Сухой остров»

Остров Ольхон — единственный крупный остров на Байкале — разделяет озеро на две неравные части, называемые местным населением Большим и Малым морями. Собственно, настоящий Байкал — это Большое море, образовавшееся давным-давно после затопления гигантского разлома земной коры водой с окрестных гор. Мелкое Малое море — это затопленная соседняя долина, а Ольхон — бывший прибрежный кряж, оставшийся посреди вод напоминанием о древней береговой линии.

По-бурятски название «Ольхон» означает «сухой, безлесный остров». Как ни удивительно, но на находящемся посреди крупнейшего пресноводного водоёма планеты Ольхоне вода в дефиците — горы, обрамляющие Байкал, не пропускают на озеро дождевые тучи, а источники на самом острове можно пересчитать по пальцам. В качестве географического курьёза на южной оконечности Ольхона присутствует солёное озерко Шара-Нур, а вот непересыхающих пресных ручьёв всего два.

Восточный берег острова гористый, причем почти на всём его протяжении скалы обрываются в озеро отвесно. Там находится самая высокая гора, 1200-метровка Жима. Западный — относительно пологий, но и здесь немало обрывов и осыпей. Растёт в здешних лесах в основном лиственница и сосна.

Постоянное население острова — около 3 тысяч человек, большая часть которых живет в посёлке Хужир, остальные — в деревнях и на хуторах, преимущественно в южной и центральной части острова. Связь с Большой землёй происходит через паромную переправу.

Переправа

Сюда мы прибыли 19 июля, преодолев 3,5 суток на поезде «Москва — Иркутск» и 4 часа на снятом в Иркутске микроавтобусе. Пригородные деревни Приангарья сменяются горным редколесьем, а потом — холмистой усть-ордынской степью, на которой без всякого присмотра па-

сутся огромные коровьи и конские стада. В посёлках попадаются конные памятники неизвестным бурят-монгольским героям. По пути мы делали привал у придорожной закусочной – «позные», где продавали разливное молоко и бурятские позы – довольно вкусную помесь пельменя и беляша.

Паром «Дорожник» переправляет за одну ходку от силы 8 машин и неограниченное число людей. Путь в один конец занимает около 15 минут плюс столько же на выгрузку и погрузку (всего около часа), поэтому очередь машин растягивается на километры, и прождать на берегу нам пришлось долго. Но после нескольких часов ожидания мы всё-таки отчалили от Большой земли.

От южного берега до посёлка Хужир мы ехали через голую, безлесную степь. Сам Хужир оказался достаточно большим посёлком деревянной застройки, с православным храмом, несколькими магазинами, столовыми и избой со спутниковой антенной и надписью «Интернет». Несколько лет назад по дну был проложен электрокабель, и до Хужира протянули ЛЭП, обеспечив круглосуточное электро-

снабжение: до той поры электричество вырабатывалось автономно, на дизелях.

В поусках стоянки

Нам предстоял 25-километровый бросок на север до начала сплошных лесов, в которых мы планировали недельную стоянку. Помню первое утро на Ольхоне, когда мы сначала долго поднимались в гору, а потом шли через степь, причём из-под ног во множестве выпрыгивали маленькие кузнечики, а иногда с треском вылетали и большие, с красными подкрылками, наподобие саранчи. Сначала эти кузнечики вызвали бурю эмоций, но к концу дня воспринимались как естественная и неотъемлемая часть мироздания.

Мы миновали остатки странной взлётно-посадочной полосы, неведомо как оказавшейся в этих краях, обогнули деревню Харанцы и сделали привал на берегу единственного в этой части острова ручья с удивительно ледяной водой.

А потом начались холмы, непрерывные подъёмы и спуски, по ощущениям как минимум удваивавшие переход.

Паром «Дорожник» переправляет за одну ходку от силы 8 машин и неограниченное число людей

В распадках паслись коровы, над степью почти неподвижно парили орлы. Слева высились скалистые прибрежные острова Модото и Едор, а впереди маячила громада мыса Будун.

К вечеру мы прошли бурятскую деревню Халгай, после которой, поднявшись на седловину очередной гряды холмов, увидели за ней не привычную уже следующую гряду, а опушку леса. Здесь нас встретил плакат, сообщающий, что мы находимся в Прибайкальском национальном парке.

Лесная дорога скоро стала совершенно непроходимой из-за глубокого песка. Кое-как мы выбрались на берег и увидели остатки деревни Песчанка и вдалеке — сплошной прибрежный лес, который и был окончательной целью перехода. Когда-то Песчанка была довольно крупной рыбацкой деревней, к пристани которой подходил теплоход «Баргузин». Но с развитием промышленного лова с крупных кораблей перевалочный пункт перестал оправдывать своё существование и зачах. К нашему приходу там осталось две обитаемых избы и множество руин — дома, пирс, дизельная. Идти можно было только по береговой полосе, иначе ноги моментально увязали в песках.

На закате вышли к искомому лесу, однако здесь нас постигло разочарование: от самого берега вверх поднимался склон, сплошь покрытый непролазным буреломом. Встать здесь было невозможно. Разведка показала, что поваленные стволы тянутся на неизвестное, но немалое расстояние

как вглубь острова, так и дальше на север. Вторую временную стоянку, открытую всем ветрам, нам пришлось разбить прямо у воды. Мы развели костер из топляка, согрелись чаем и уснули под шум прилива, волны которого, казалось, вот-вот смоят нас в озеро.

С утра я и ещё двое из отряда отправились в дальнюю разведку на север. Кое-как миновав завалы, мы выяснили, что через пару километров бурелом сменяется лиственным лесом, однако берег там поднимается совершенно отвесно. Пройдя ещё некоторое расстояние, мы выяснили, что здесь каждый более-менее пригодный спуск обустроен стоянками (кострище, остов беседки, столы с лавками), большинство из которых заброшено и пустует. В некоторых местах на берегу под обрывом стояли коптильни — обтянутые по бокам плёнкой деревянные остовы с кучей камней внутри. Поколебавшись, мы поставили вешку на самой заброшенной с виду стоянке и пошли назад, забирать остальных.

Путешествие на север

Найдя постоянное пристанище, я наконец-то искупался в Байкале. Вода в Малом море была холодная, но всё же не совсем ледяная, градусов, наверное, 12. Но главное — совершенно прозрачная. Заходишь по пояс — и резко прыгаешь вперёд. Пока окончательно не осознал, что мёрзнешь, можно нырнуть, проплыть некоторое расстояние — и быстро назад. Поскольку на берегу днём и ранним вечером довольно жарко, через некоторое время можно повторять заплыв снова.

Отдельный разговор — ветер. Во-первых, как и полагают, возле большой воды, здесь почти постоянно дует бриз, с утра с Байкала на остров, вечером — наоборот. Во-вторых, верхние ветра. У бурятов есть сто наименований байкальских ветров — по числу впадающих в Байкал рек. Нас порой донимал Зандак, северо-западный. Самый же опасный в тех местах, Сарма, которого мы особенно опасались во время прибрежной стоянки, нас миновал.

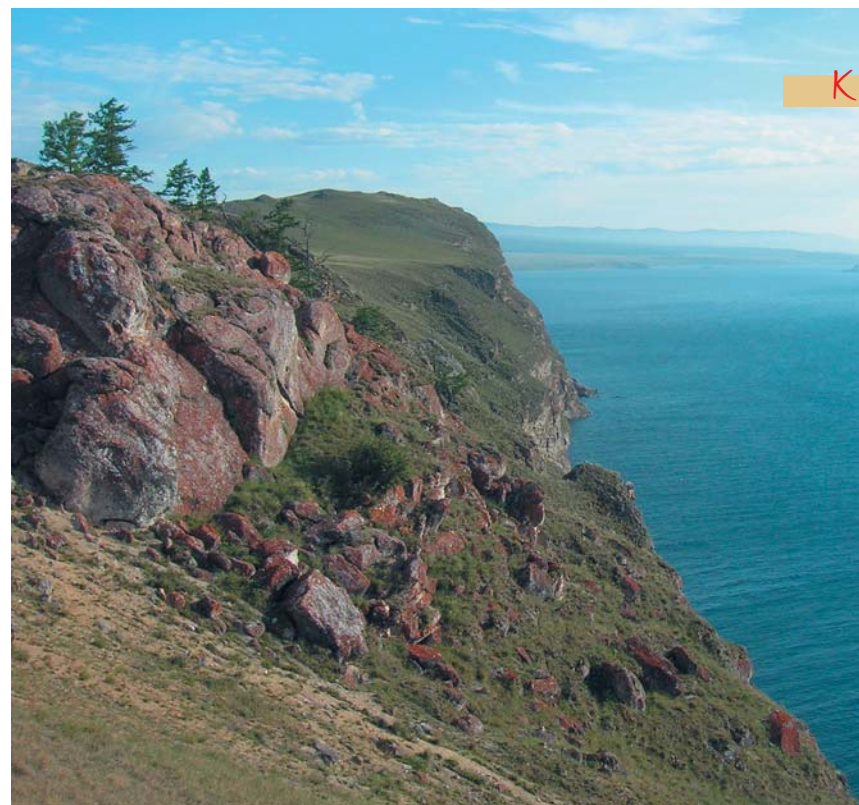
Наши попытки ловить рыбу — знаменитого омуля — ни к чему не привели: у берега в полосе прибоя её нет, и единственным уловом был зацепившийся за блесну малёк размером с мизинец. В шторм, разыгравшийся в один из дней, к берегу нагнало всякой мути, и кто-то вытащил ещё двух полудохлых рыбёшек и маленьких креветок. Так что байкальского омуля мы ели только копчёного, купленного в Хужире.

В лагере мы составили план обхода острова, разделились на 2 группы (одни ходят, другие караулят), и уже на следующий день по прибытии моя четвёрка выдвинулась на крайний север острова, к мысу Хобой.

На север от стоянки лес тянулся недолго, так что скоро мы снова шли по степи, ныряя в ложбины между холмами. В одном из холмистых распадков северной степи мы набрали на бурятский хутор Усык (или Усук, как его на-

На четвёртый день мы пошли к мысу со смешным названием Будун. Его мы видели вдалеке во время первого броска через степь. Мыс, если смотреть на него с берега в профиль, поднимается от степи подобно трамплину, сначала плавно, а потом всё более резко. Потом этот задранный нос так же резко обрывается вниз. Сначала мы поднялись на высокий уступ, увенчанный геодезической треногой, полюбовались открывшимся видом на Малое море, на малые острова Едор и Модото, на лес нашей стоянки, на Халгай где-то вдали и внизу, на степь во всей её красе. Но долго стоять там было невозможно из-за ветра (хоть и не такого злого, как на Шунтэ), так что спустились под защиту отвесного обрывчика, где на каменных террасах можно было сидеть, как в кресле с подлокотниками.

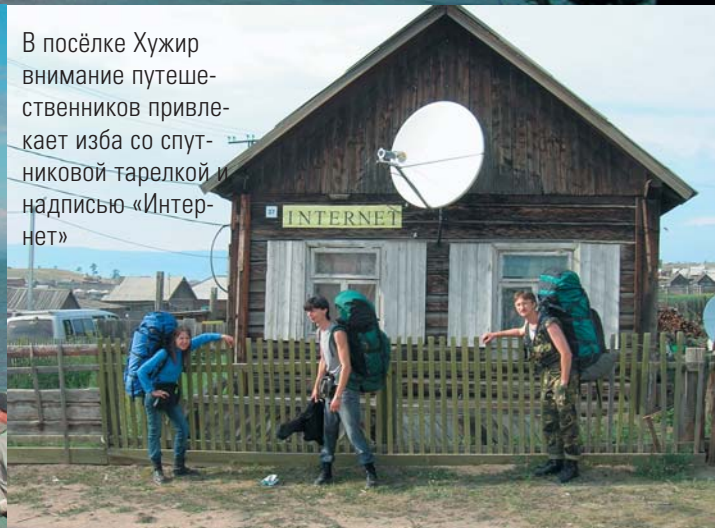
Но самые красоты мы оценили, когда спустились в правый распадок между вершинами Будуна. Долина с ансамблями камней самых различных форм и

В районе поселка Узуры море тёплое, но, как нигде, грязное

В посёлке Хужир внимание путешественников привлекает изба со спутниковой тарелкой и надписью «Интернет»

УПИНА январь — март

"Славное море — священный Байкал..."

Песню «Славное море — священный Байкал» слышали многие, а вот что за омулёвая бочка в ней упоминается, мало кто помнит. На Байкале ходит легенда о том, что в незапамятные времена над всеми косяками жирного и вкусного омуля хозяйничали два ветра — Баргузин и Култук. Была у них любимая игрушка — деревянная бочка, на вид самая обыкновенная, но с секретом — куда она плывёт, туда и рыба тянется. Ветры то в одну часть озера нагоняют тьму рыбы, то в другую. Так и развлекались бы они по сей день, если бы не полюбили третий ветер — могучую богатыршу Сарму, хозяйку Малого моря. Однако Сарма заявила, что станет женой только того ветра, который ей пригонит эту знаменитую бочку, чтобы и её Малое море кишело рыбой. Стали ветры бороться за обладание рукой и сердцем богатырши, вцепились в бочку, и ни один не уступает другому. Вдруг бочка булькнула и ушла на самое дно: не досталась никому. Ветрам стало стыдно, что они так оплошали, и с тех пор ходят Баргузин и Култук каждый сам по себе и уже не встречаются, как раньше. А где сейчас эта бочка — никто не знает. Говорят, её сам Байкал забрал, рассердившись, что из-за его чудесного подарка начались такие раздоры.

А сочинил слова песни «Славное море — священный Байкал» (первоначально стихотворение называлось «Дума беглеца на Байкале») Д. Дабыдов. Нет, не тот знаменитый Денис Дабыдов — поэт-гусар, друг Пушкина и герой Отечественной войны 1812 года, а другой — Дмитрий Дабыдов, имевший, впрочем, с первым родственные связи по отцовской линии. Упоминаемый в песне «славный корабль — омулёвая бочка» — не та бочка, за обладание которой боролись ветры, а обыкновенное изделие местных бондарей, использовавшееся для засолки рыбы. На таких ненадёжных «кораблях» бежавшие с сибирских рудников, рискуя жизнью, переправлялись через Байкал.

звали местные), поворот на который был обозначен указателем «молоко». Молоко, а также творог и хлеб, мы там действительно купили, а кроме того, устроили довольно познавательный привал. В Усыке живёт пять человек — хозяева, мальчик лет восьми и дед с бабкой, которые нас, собственно, и встретили. Когда мы вошли во двор, дед сидел в низкой пристройке к основной избе и скоблил ножом лисьи шкуры.

Живут усыкцы практически автономно, держат стадо (4 дойных коровы и полтора десятка быков и телят на мясо), коней, гусей, даже умудряются возделывать небольшой огород. Есть генератор, спутниковая тарелка, трактор и ещё какая-то техника, впрочем, частично разбитая. У нас возникло ощущение, что, кроме как в рыбацкие артели, в горы на зимнюю охоту да в Хужир сдавать мясо и молоч-

Мыс Шунтэ-Левый – одно из самых красивых, но и страшных мест, виденных нами. Сначала степь просто обрывается вниз. Сверху видно почти отвесные склоны гор, поросшие лиственницами: отсюда гигантские деревья кажутся маленькими-маленькими. И ветер, постоянно меняющий направление, всё время норовящий сбить с ног. Вершина Шунтэ – выветренная красная скала, выдающаяся далеко вглубь моря и образующая естественную лестницу в никуда. Скалу венчают два гигантских каменных рога. Поднимаешься на неё – и захватывает дух: справа и слева распротёрлось побережье, а на головокружительной глубине внизу бьётся о скалы море.

ные продукты, эти люди никуда не выбирались. Бабка рассказывала, что мимо них иногда проходят иностранцы, немцы по преимуществу. Многие с непривычки обгорают в степи и просят сметану.

После Усыка некоторое время тянулась совсем голая степь, пересекаемая ровными, как по линейке прочерченными, низкими каменными кряжами, которые мы поначалу чуть не приняли за остатки древних рукотворных строений. Потом с востока подул сильный холодный ветер, говорящий о том, что Большое море уже недалеко. С одного из холмов мы действительно увидели Байкал и повернули туда, где прибрежный лес кончался, рассечённый голыми скалистыми утёсами. Это был мыс Шунтэ-Левый, одно из самых красивых, но и страшных мест, виденных нами.

А потом, уже при свете заходящего солнца, мы дошли-таки до Хобоя – крайней северной точки Ольхона. Считается, что Хобой указывает точно в сторону самой северной оконечности Байкала. Отсюда открывается вид одновременно на Большое и Малое моря – и никаких берегов.

Возле Хобоя обнаружился деревянный столик, за которым мы немного посидели, почитали автографы предыдущих ходков и двинулись назад. На подходах к Усыку совсем стемнело, и мы смотрели, как одна за другой загораются звёзды и на небе появляется Млечный Путь. Во втором часу ночи

мы таки добрались до лагеря, совсем немного недотянув за этот день до 40 километров.

Путь назад

На восьмой день мы отправились уже известной дорогой через южные степи на переправу. Здесь нас ждала неприятная неожиданность – какой-то из ста бурятских ветров нагнал в пролив тумана, так что при нулевой видимости и сломанном радаре паром не ходил. Скопилась немалая очередь, возглавляемая милицейским патрулем, который докладывал по рации на Большую землю о своей беде.

Через пару часов туман рассеялся, паром запустили, но попасть на тот берег удалось только через пять часов после приезда, а пока можно было в последний раз полюбоваться островом, побродить по ближним сопкам под смех чаек и посидеть в местных «позных», одной – в простом вагончике, другой – стилизованной под юрту. Ещё одно развлечение – чтение надписей на автобусной остановке: кроме сибирских городов и москвичей с питерцами, там отметились Украина, Германия, Узбекистан и Киргизия. Но, в итоге, наша очередь подошла – и последний взгляд на остров мы бросили уже с палубы. Началась Большая земля, уже виденная дорога на Иркутск, а потом перелёт в Москву.

Бородинский хлеб

История верности и любви

Текст: Галина Кириллова

Видели вы буханку «Бородинского»? Она так черна, будто выпечена из русского чернозёма. Это один из самых вкусных «русских сувениров». Многие иностранцы стараются увезти с собой этот экзотический московский продукт. А некоторые страны даже импортируют «Бородинский» или стараются выпечь нечто подобное.

Его аппетитная корочка обильно посыпана кориандром. У «Бородинского» хлеба особенный, с пряной нотой, запах и пикантный сладковатый вкус. Рецепт этого хлеба в общем-то известен: ржаная мука, перемешанная с грубой пшеничной, соль, солод, вода, дрожжи – выпекайте! Секрет лишь в том, как именно следует лелеять капризное тесто, которое созревает в несколько этапов и не меньше, чем за три дня.

Рецепт этого вкусного и очень полезного хлеба придумали монахини одного из подмосковных монастырей. Пекли с особым усердием и с молитвами. Это был поминальный чёрный хлеб – в память о павших героях Отечественной войны 1812 года. На светлой любви, чёрном горе и «верности до гроба» замешан «Бородинский». А вот какая история с ним связана.

Встреча

Летним вечером 1802 года на одной из светских вечеринок юная Маргарита Нарышкина познакомилась с двадцатипятилетним полковником Александром Тучковым. Старший брат Александра, герой суворовских походов Николай Алексеевич Тучков, не упустивший случая навестить к гостеприимным Нарышкиным, представил девушке своего

младшего брата, которого в семье называли Тучков-четвёртый. Маргарита взглянула на молодого человека, перемолвилась. Подумала, до чего же хорош жгучий брюнет! Эрудит. Водит дружбу с поэтом Иваном Дмитриевым.

Древний дворянский род Тучковых считался одним из самых именитых в России. Николай, Павел, Михаил – все генеральского чина. Как бы там ни было, после той вечеринки молодые стали встречаться. В фамильных имениях Нарышкиных в Филях, Тарутино, Одинцово-Архангельском, дворянском гнезде Тучковых в Тульской губернии. Закончилось тем, что через полгода Александр попросил у Варвары Алексеевны Нарышкиной руки дочери.

Урождённая княжна Волконская долго молчала. Наконец подвела черту. Мол, вы очень милый молодой человек. Однако не обманываетесь ли в чувствах? Сегодня они пламенны. А завтра? И потом, не обессудьте, но с военным всякое может случиться. Не хочется мне видеть свою дочь вдовой. К тому же у неё есть горький опыт замужества. В 16 лет пошла под венец с Павлом Ласунским. И что же? Оказался картёжником, ловеласом. Вы представить не можете, скольких усилий нам стоило убедить государя Александра Павловича и Священный Синод расторгнуть опрометчивый союз. Нет, сударь, увольте, вздохнула княжна, вынуждена вам отказать.

Потрясённый офицер откланялся и, не произнеся ни слова, вышел. Через неделю стало известно, что по распоряжению главнокомандующего Русской армией князя Барклая де Толли полковник Александр Тучков направлен в Париж для службы в военном представительстве российской миссии.

Тем временем в далёкой Москве Марго (так звали её домашние) свалилась в тяжёлой горячке. Врачи пускали кровь, поили пилюлями – помогало мало. Неожиданно на её имя из французской столицы стали приходить нежные письма в стихах. Маленькие лирические элегии, пронизанные любовью. И почти безнадежная Маргарита неожиданно выздоровела и снова расцвела.

Сердце не камень. Особенно материнское. Как-то княжна Варвара Алексеевна зашла на половину дочери и, будто о чём-то само собой разумеющемся, произнесла: «Напиши своему-то. Хватит ему по заграницам гулять. Пускай домой едет. Будет вам моё благословение».

1806 год. Белокаменная Москва. Запах яблоневых садов. Маленький православный храм на Пречистенке. Счастливо распахнутые глаза невесты в белом платье, сшитом собственными руками. Тучкова она теперь. Тучкова! Вот же он – широкоплечий, чернобровый, в золочёных эполетах. Рядом, конечно, вся тучковская генеральская рать: остроумный, заботливый

Д. Доу.
Александр Алексеевич Тучков-четвёртый.

Николай, бесшабашный Павел – шеф артиллерийского полка, рассудительный Михаил. Только их отца, бывшего начальника всех крепостей на российско-шведской границе, генерала и сенатора Алексея Васильевича Тучкова нет. Не дожил.

Денщик Марго

За московскими окнами стояло знойное лето 1808 года, когда в столичный Санкт-Петербург пришло известие, что шведский монарх Густав IV объявил России войну. Император Александр I вызов принял. Русская армия стала готовиться к Шведскому походу, чтобы согнать неприятеля с территории Финляндии.

Однажды Александр Тучков явился домой и застал супругу в форме денщика. «Это что за наряд?» – подозревая неладное, спросил озадаченно. Вместо ответа Марго протянула пакет от командующего графа Фёдора Фёдоровича Буксгевдена. Муж помрачнел. Из бумаги явствовало, что жена определена в действующую армию в качестве одного из его денщиков! Если понадобится, велено использовать как сестру милосердия. И супруги ушли на новую войну вместе.

За проявленную отвагу в боях при Куопио и Иденсальми Тучков был произведён в генерал-майоры. В тридцатиградусные морозы 1809 года его полк получил приказ скрытно оказаться в тылу противника, атаковать его и захватить городок Умео. Злой ветер кружил над Ботническим заливом. Торосы, торосы. Сквозь них и налегке-то не прошмыгнуть! А тут кони, пушки, провиант, раненые. И 24 версты до шведского берега.

Двинулись ночью. В пути многие бойцы падали замертво на синие льды и тут же смыкали веки. Денщик Марго разыскивала уснувших солдат, тормозила, помогала подняться, а поставив на ноги, бежала к носилкам с ранеными и обмороженными. Маргарита мужественно карабкалась через льды до тех пор, пока не свалилась без чувств. Генерал поднял жену, посадил на коня впереди себя. Так они и шли.

А битвы за основательно укрепленный городок Умео не было. Историки не дадут солгать. Когда русские войска вдруг показались на шведском берегу, это настолько поразило неприятельский гарнизон, что он сдался без единого выстрела.

Заканчивался 1811 год. Тучковы принимали гостей по случаю рождения первенца. О том, как назвать малыша, они давно определились, обговорив, что, если будет сын, назовут Николаем. В честь Тучкова-первого. Он и стал крестным отцом крошечного племянника, чему откровенно радовался и прочил Николеньке генеральское будущее.

А следующим днём глава дружного семейства отправился в Санкт-Петербург, чтобы выхлопотать у Государя прошение об отставке. Пора перебираться в тульское поместье к тополиным аллеям, малинникам и петушиным крикам по утрам. Любимая жена, сынишка, тишь окрестных деревень – что может быть лучше!

Однако человек предполагает, а Бог располагает. Император Александр I принял боевого генерала в Зимнем дворце. Похвалил за храбрость и доблесть. Но подписать прошение об отставке решительно отказался, многозначительно

заявив: «Вы ещё понадобитсяе России». И присовокупил: «Мы решили укрепить Ревельским полком одну из дивизий генерала Петра Коновницына. Поверьте, Александр Алексеевич, скоро всем будет очень жарко».

Пророчество

В первых числах жаркого августа 1812 года генерал-майору Александру Тучкову доставили пакет с приказом немедленно отбыть под Смоленск. Маргарита тоже собралась в дорогу. Муж внутренне возражал, но вслух он так и не научился отказывать супруге. По дороге они остановились в заброшенном доме. Александр тотчас заснул. Скоро сморило и Марго. Во сне она увидела странную, как потом окажется, пророческую картину. Незнакомое безлюдное село. На избах надписи с неизвестным словом: «Бородино». Какие-то рвы

Петер Хаас. «Сражение при Бородино». В центре — генерал П. Коновницын.

повсюду, ямы. Черное воронье над ними. Она вскрикнула, растормошила мужа: «Где находится Бородино?» — «Впервые слышу о таком», — последовал короткий ответ.

Хмурым утром 3 августа они простились. С походной иконой Спаса Нерукотворного (муж передал на хранение) Маргарита возвращалась домой. Командир же Ревельского и Муромского полков, объединённых в бригаду, генерал Александр Тучков уходил в сторону Смоленска.

В Москве ей сообщили, что тем, кто с 4 по 8 августа сражался под Смоленском, пришлось тяжко. Однако войска генералов Николая, Павла и Александра Тучковых дрались так, словно были всей Русской армией. Не обойти её, не рассеять. Брат Александра генерал-майор Павел Алексеевич ходил в штыковую атаку, был тяжело ранен саблей в голову, едва не убит. А что с Тучковым-младшим? Он выбрался из смоленского пекла. За Вязьмой собрал силы и ушёл в сторону никому не известного села Бородино, что в 120 верстах к западу от Москвы. При этих словах лицо Маргариты помертвело.

В самом пекле

О грандиозной битве при Бородине написаны тысячи книг. Не стану повторяться. Скажу только, что Кутузов, которого Наполеон называл «одноглазым лисом», выстроил против неприятеля лучшие силы. Их рвали в клочья осколки пушечных ядер под Аустерлицем, они срывались в бездонные пропасти Швейцарских Альп и уходили под горячий от разрывов лёд Ботнического залива, но всегда поднимались и шли дальше.

Главную тяжесть Бородинской битвы довелось вынести тем, кто оборонял три Багратионовы флешы — заградительные земляные валы на левом фланге русских позиций. 26 августа (по старому стилю) в половине шестого утра отборные части маршалов Даву, Нея и генерала Жюно при поддержке тяжёлой кавалерии (кирасиров) Мюрата, не знавшего поражений, ринулись именно сюда. Наполеон велел рассечь русские войска на небоеспособные лоскутки и сбросить в реку Колочу. Не получилось. Семь раз французы откатывались назад, словно натываясь на стену.

В самом центре Семёновского редута насмерть стояла бригада генерала Александра Тучкова. В пекле битвы

на позиции его бригады обрушился такой ураганный огонь, что даже опалённые всеми огнями гренадёры и егеря не решались поднять головы. «Страшновато, братцы? – понимающе спросил раненный в ногу Александр. – Ничего, я и один пойду». Генерал поднял знамя Ревельского полка и, прихрамывая, шагнул навстречу вечности. За ним остальные. Они не пошли в атаку – рванули. Судьба отпустила горстке храбрцев всего несколько минут. Александр оступился, ему подставили плечо. В этот миг под ногами оглушительно разорвалось пушечное ядро и разметало куски мертвых русских тел по раскалённому полю.

О гибели мужа потрясённая Маргарита узнала от командующего 2-й Западной армией генерала Петра Петровича Коновницына, который сменил на этом посту Багратиона, скончавшегося от ран, полученных в сражении. Коновницын передал ей сочувственное письмо и даже отметил крестиком на карте то место среди ужасных флешей, где погиб Александр Тучков. Маргарита бросилась собираться в дорогу.

То, что предстало ее глазам, трудно поддается описанию. Около ста тысяч бездыханных тел. Целый город, выкошенный за один день. 29 русских генералов остались здесь лежать навсегда. Чудовищных размеров бездонные ямы, в которые крестьянские вдовы, воя от невыносимого горя, стаскивали то, что осталось от их мужей, отцов, сыновей и братьев. В одну могилу своих защитников. В другую – французов. Вместе со схимником Иоасафом из Лужецкого монастыря Марго сутками бродила вдоль страшных ям,

заваленных десятками тысяч трупов, в надежде отыскать тело любимого Сашеньки. Не нашла.

Судьба распорядится так, что генеральская вдова останется на поле брани навсегда. Вплоть до наших дней. Рядом с сыном Николенькой, пятнадцатилетним кадетом Пажеского корпуса, который 16 октября 1826 года скончается от чахотки. И рядом с мужем, чье растерзанное тело так никогда и не найдут.

Матушка Мария

Маргарита отправится за советом в Троице-Сергиеву лавру к своему духовному наставнику митрополиту Филарету. Он подскажет поставить в память о павших героях часовенку. И Марго построит её на собственные средства. Но этого ей покажется мало. Она попытается выкупить у можайских помещиков солидный кусок земли, чтобы воздвигнуть православную церковь там, где стояли Багратионовы флешы. Только с выкупом ничего не получится. Сколько надо, столько и отдадут ей хозяева дворянских гнезд даром. Даже мастеровых крестьян на работы пришлют. А потом у часовенки станут собираться бывшие ополченцы, чтобы принять участие в строительстве церкви. И поднимется в 1820 году на месте страшного побоища каменная церковь – первый памятник Бородинской битве.

Храм с высоким гранитным крестом, драгоценной иконой Спаса Нерукотворного, мраморной плитой с именем Александра Тучкова, а позднее и склепом, в котором Марго

похоронит единственного сына. А генеральская вдова продаст имение под Ярославлем и на вырученные средства откроет при храме Спасо-Бородинское богоугодное общежитие для вдов павших воинов.

Однако вместе с вдовами сюда станут приходить бездомные крестьянские девочки и просто обедневшие дворянские девушки-бесприданницы. Для каждой у Марго найдётся дело. Для детей она откроет церковно-приходскую школу, станет обучать грамоте, музыке и рукоделию. Те, кто старше, с удовольствием начнут прясть, ткать холсты, шить одежду, переплетать книги, расписывать иконы. И петь в церковном хоре, где Маргарита задавала тон. И именно здесь с подачи генеральской вдовы начнут впервые выпекать душистый хлеб, который сегодня известен всей России как «Бородинский».

Однажды при встрече с Маргаритой митрополит Филарет предложил: пора тебе, голубушка, постриг принимать и взваливать тяжкую ношу настоятельницы новой обители. Как полагаешь? Марго ответила, мол, грешницей себя ощущает. Вот и славно, улыбнулся Филарет, а то в моей епархии что ни игуменья, то святая. Вдова приняла постриг в Троице-Сергиевой лавре и вскоре под именем матушки Марии стала первой настоятельницей Спасо-Бородинского монастыря.

26 августа 1839 года здесь торжественно открыли памятник героям Бородинской битвы. По такому случаю прибыл сам Император Николай I. Когда матушка Мария подошла к монументу, Государь приветствовал вдову словами: «Кланяюсь Вашему Превосходительству», — и поблагодарил игуменью за всё, что она сделала во имя павших на бранном поле. На многострадальном лице настоятельницы проступили слёзы. «Они все для меня живые», — ответила мать Мария. Император Николай I предложил игуменью стать крёстной матерью будущей императрицы Марии Александровны.

Судьба даровала Маргарите Тучковой шесть лет такого женского счастья, какого ей хватило, чтобы не падать духом все оставшиеся годы. Великая подвижница, она до послед-

него часа молилась о тех, кто навсегда остался лежать на Бородинском поле.

Скончалась матушка Мария тихо, с первыми солнечными лучами 29 апреля 1852 года. Похоронили её в Спасском храме Бородинского монастыря. Рядом с теми, кого она беззаветно любила. Сыном Николенькой и блистательным генералом Александром Тучковым.

Неизвестный художник.
Портрет игуменьи Марии.

Спасо-Бородинский монастырь, воздвигнутый
М.М. Тучковой на месте Багратионовых флешей.

Крест во льдах

В праздник Крещения Господня невольно вспоминаются строки из сказки «Конёк-горбунок» Ершова — о том, как юноша, окунувшись в ключевую воду, выскочил из неё статным молодцем, писаным красавцем. В самом празднике Крещения есть это же сказочное ощущение — напряжённое и радостное ожидание обновления, чуда, когда сокровище даётся даром — приходи и бери, кто хочешь.

Текст: Валентина Михайлова
Фото: Юрий Кавер

В Иерусалимской Церкви праздник Богоявления не отличался такой торжественностью и великолепием, как в России. Наверное, не будь наши зимы столь холодными и суровыми, в древнем обычае купания в крещенской проруби не было бы такой радости — радости от преодоления собственного страха и немощи, и надежды — что Господь, по великой Своей милости, омоет нас от всего тяжёлого, старого, нечистого, и мы вправду выскочим из воды «добрыми молодцами, писаными красавцами». Поэтому и шли люди тысячами к озёрам и рекам, погружаясь, невзирая на лежащие кругом глубокие снега и стужу, в освящённую воду. Оттого и запасали эту воду целыми бочками — для многих она была единственным лекарством на весь год, и умывали ею больных младенцев, и тех, кто от слабости не мог ходить, погружали в воду с верой в исцеление. Заботливость о святине простиралась так далеко, что даже прорубь крещенскую оберегали от осквернения. Её огораживали, а женщинам не разрешали мыть в ней бельё.

К Богоявлению в вырубленную крестообразную полынью – «Иордань» – выливали свекольный квас: чтобы вода была красной, праздничной. На берегу из кусков льда и еловых лап сооружали «царские врата». Считалось, что купание в проруби и прохождение через эти ворота очищают человека от грехов, и он «рождается заново».

Путешественников-иностранцев поражало великолепие и торжественность обряда великого водосвятия, совершаемого на Москве-реке при большом стечении народа, в присутствии Царя и вельмож. На реке устанавливался богато украшенный шатёр для Царя и балдахин для Патриарха. Здесь же к востоку вырубалась крестообразная «Иордань». Шествие к месту водосвятия растягивалось на многие километры. Предваряли его стрельцы с оружием, за ними следовало духовенство, начиная с младших, завершая Патриархом. Затем открывалось «Государево шествие». Впереди шли военные чиновники, за ними следовали дворяне, стряпчие и стольники в золотых кафтанах, за которыми следовала «стряпня царская» из 12 человек. Они несли одежду Государя, в которую он переодевался на «Иордани». Царь во время крестного хода был облачён во все свои регалии: он был в царском венце, с крестом на груди и с посохом в руке, украшенным золотом и драгоценными камнями.

Достигнув «Иордани», шествие останавливалось и размещалось на льду реки в строгом порядке. Участники торжества

А.П. Чехов о празднике Богоявления

Настаёт крещенское утро. Церковная ограда и оба берега на галёком пространстве кишат народом...

Погода прекрасная... На небе ни облачка. Солнце светит ослепительно. Наверху раздаётся благовест... Тысячи голов обнажаются, движутся тысячи рук — тысячи крестных знамений!

...Но вот, наконец, збонят к «Достойно»; затем, полчаса спустя, на колокольне и в толпе заметно какое-то волнение. Из церкви огню за другую выносят хоругви, раздаётся бойкий, спешащий трезвон. Серёжка дрожащей рукой сдёргивает рогожи... и народ вигит нечто необычайное. Аналой, деревянный круг, колышки и крест на льду переливают тысячами красок. Крест и голубь испускают из себя такие лучи, что смотреть больно... Боже милостивый, как хорошо! В толпе пробегает гул удивления и восторга; трезвон делается ещё громче, день ещё яснее. Хоругви колышутся и двигаются наг толпой, точно по волнам. Крестный ход, сияя ризами икон и духовенства, медленно сходит вниз по дороге и направляется к Иордани. Машут колокольне руками, чтобы там перестали звонить, и водосвятие начинается. Служат долго, медленно, видимо стараясь продлить торжество и радость общей народной молитвы. Тишина.

пёстрыми толпами заполняли окрестные берега Москвы-реки. И вот, наконец, наступает долгожданный час Великого освящения воды. Все, от Царя до простолюдинов, стоят без головных уборов, несмотря на лютый мороз и любую погоду. По окончании «Великой Агисмы» окропляются водой царские знамёна, после чего Патриарх, почерпнув воды серебряным ведром, отсылает её «наверх» для окропления икон. Причащается святыни Патриарх, а затем и сам Царь. В это время морозный воздух наполняется многочисленными звуками: гремят барабаны, грохочут орудия, звенят колокола московских и кремлёвских церквей, слышны ликующие крики людей — русский народ возносит благодарение Богу.

По возвращении с водосвятия каждый домохозяин со всей семьёй с благоговением отпивал несколько глотков из принесённой посуды, а затем брал из-за иконы освящённую вербу и кропил святой водой весь дом, пристройки и всё имущество.

Некоторой доли блистательности этого торжества мы лишились по вине погоды — климат на планете существенно потеплел, и нет уже былых студёных зим. Вместо лютых морозов может накрапывать дождичек, и никто не zalюбуется ни ледяным крестом, ни выточенным из льда сверкающим аналоем, так хорошо описанным у Чехова.

Впрочем, независимо от погоды в ночь на Крещение каждый год происходит великое чудо — воды всей планеты вновь становятся нетленными, такими, какими их создал Господь. В народе говорят, что, если подойти в это время, ночью, к реке, можно увидеть, как вода всколыхнётся — это сходит в неё Христос. Люди верят и в то, что на Крещение открывается небо и что в самую полночь вода превращается в вино. А ещё, говорят, Бог в этот момент не только слышит молящихся, но и исполняет все их просьбы.

Рождественская история

Текст: Владимир Порутчиков
Иллюстрации: Андрей Румянцев

"Отче наш..."

Последние части отступающей Красной Армии прошли через село спешным маршем поздним утром в конце октября. Мрачны были лица идущих, бесконечны обозы с ранеными, и местные бабы смотрели им вслед, скорбно прикрыв рты краями платков, как обычно делают русские женщины, провожая в дальнюю опасную дорогу или на погост...

Часть I

Часа через два зарокотало, загудело с запада, где-то за околицей сухо протрещало несколько автоматных очередей – и село вдруг наполнилось шумом многочисленной техники и немецкой лающей речью.

К отцу Алексею – настоятелю местной церкви – наведальсь человек пять солдат во главе с офицером и переводчиком. Они потребовали отпереть храм и, настороженно вглядываясь в лики святых, по-хозяйски прогрохотали коваными сапогами в его гулком полумраке.

Покончив с осмотром, немцы, наконец, обратили внимание на настоятеля, всё это время безмолвной тенью следовавшего за незваными гостями. Офицер, молодой улыбочивый крепыш, поинтересовался через переводчика: обижали, притесняли ли «русского пастора» большевики. «Всяко бывало», – ответил отец Алексей, хмуро глянув из-под кустистых бровей в веснушчатое лицо немца. За этим «всяко» много чего стояло: и убийство красноармейцами отца – приходского священника – в восемнадцатом, когда тот пытался напутствовать ведомых на расстрел людей, и смерть матери, не пережившей потери, и дни, полные крови и хаоса, когда свои резали своих и молитва была единственным прибежищем иссушаемой горем душе, когда легче и безопаснее было быть неверующим, чем нести свой крест до конца. Да и последующие годы, когда уже сам стал настоятелем сельской церкви, были полны скорби. В общем, много чего довелось пережить. Но что чужой душе скажешь... Оккупант – он и есть оккупант. «Всяко бывало», – повторил только отец Алексей.

Офицер, с любопытством натуралиста рассматривавший «русского пастора», понимающе кивнул, а переводчик сказал: «Великая Германия принесла Вам освобождение от красной чумы». С тем и ушли. Больше отца Алексея не беспокоили и отправлению церковных служб не мешали...

Канонада, почти непрерывно грохотавшая на востоке, откатывалась всё дальше и дальше к Москве и к началу ноября стала едва слышна. Лишь по ночам у самого горизонта было видно, как мечутся по небу огненные всполохи, то и дело выхватывающие из мрака тяжёлые снеговые тучи. Сутки напролет, перемалывая мёрзлую землю, шли по главной улице села танки, натужно гудели моторами под завязку набитые пехотой грузовики, и казалось, что не будет этому конца...

Незаметно прошёл Новый год и наступил канун Рождества. Прихожан у отца Алексея и до войны было немного: в основном старики да женщины из окрестных сёл и деревень, а сейчас стало и того меньше. На Всенощную собралось че-

ловек сорок. Настоятель с матушкой по случаю праздника затеплили все лампы и свечи, и храм наполнился трепетным, ласкающим глаза светом...

Когда пошли крестным ходом вокруг храма и отец Алексей в золотом облачении запел праздничную молитву-тропарь, из обступившей храм темноты вдруг явственно донеслось: «Товарищ... Гражданин поп!» Батюшка вздрогнул и остановился. И без того нестройные голоса прихожан тут совсем смолкли; старушки стали испуганно креститься. От церковной ограды отделилась чья-то тень, и в световое пятно перед входом в храм вступил человек в белом маскировочном халате и с автоматом в руках. «От имени командования Красной Армии, – сказал он, едва переводя дыхание, – прошу Вас... принять двоих раненых бойцов. Надеюсь на Вашу сознательность...»

Часть II

На одном из таких привалов радисту Тенину приснилась бабушка. «Повторяй за мной, Лёшик... – шептала она, – Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое...» «Имя Твое...» – эхом отзывался рядовой Тенин во сне, глядя на её сморщенные, шевелящиеся губы и невольно копируя их движение, как когда-то в детстве... «Рядовой Тенин! По-

ра!» – услышал он вдруг над собой и проснулся. Бабушкино лицо исчезло, а совсем рядом с глазами застыла укутанная снежной ватой ветка, похожая на лапу сказочного зверя... Командир и сержант Красиков были уже на ногах. Растревоженному сном Тенину на какое-то мгновение показалось, что всё вокруг: и этот бесконечный лес, и снежная, осыпаящая с веток пыль, и накатившая страшным железным катком война, по неумолимой воле которой они были здесь, – лишь мираж... «Лёшик» – так ласково называла его только бабушка – вечная заступница, тайком от родителей учившая внука молитвам и водившая в храм. «Опять тебе бабка ерундой своей голову забивала! Молится сама, и пускай – никто ей не мешает, но ребёнка-то зачем во всё это впутывать?» – шумел потом на кухне отец, такой большой и настоящий, не в пример непонятому и далёкому Богу, Который внимательно и, как казалось Алёше, печально глядел на него с потемневшей иконы в комнате бабушки. «Отче наш...» Уже и бабушки давно нет на свете, и отец пропал без вести в первые дни войны. Дома в Москве только одинокая мама ждёт возвращения своих ушедших на войну мужчин. А будет ли оно – возвращение?

К дороге они вышли уже в сумерках. Тьма создавала иллюзию безопасности. От этого несколько расслабились и ед-

ва не выскочили из кустов перед неспешно везущей телегу лошадь, которой правил долговязый немец в пилотке с опущенными наушами. Второй сидел рядом, держа на коленях автомат. Мягкий снег, что задумчиво вился с самого утра, глушил стук копыт. Хорошо смазанные, крутившиеся без скрипа колёса тонули в нём по обода. Немцы негромко переговаривались и настороженно поглядывали по сторонам. За их спинами белели снеговыми шапками большие бидоны с молоком.

Лейтенант подал знак: замереть и пропустить, но тут, на беду, предательски хрустнула ветка под ногой у Красикова. Немец с автоматом вздрогнул и, неожиданно споро оборотившись на звук, шамальнул от колена в набухший колючим сумраком лес. Тенина обдало деревянными брызгами, а на маскхалате лейтенанта стало быстро проступать тёмное пятно. Громко застонал и осел в сугроб стоящий рядом с ним Красиков. Алёша уже жал на спусковой крючок автомата и, не таясь, поливая пулями телегу, ломился через кусты на дорогу.

Стрелял почти в упор. Одного из немцев выбросило в снег, а второй – долговязый – с размаху ткнулся подбодком в грудь и завалился на бок. Белая струйка молока из

пробитого бидона полилась на его чёрную в сумерках шинель. «Провалили задание, провалили», – шептал в отчаянии лейтенант, когда Тенин тащил его прочь от дороги. Времени, чтобы уйти, у них оставалось совсем немного: в морозном воздухе звуки выстрелов были слышны далеко. Немцы наверняка уже всполошились. Тенин не понаслышке знал, как быстро они умеют работать в подобных случаях...

Оттащив в чащу Асаенка, Алёша бегом вернулся к дороге. Красиков был в сознании, но здорово ослабел от потери крови. Пока делал перевязку, пока где волоком, где на руках тащил сержанта к командиру, стало совсем темно.

«Дела наши, Тенин, хуже некуда, – почти хрипел измотанный болью лейтенант (пуля раздробила ему таз). – Самолёт должен прилететь за нами только завтра ночью, а до условленного места, сам знаешь, ещё топать и топать. Одному, с двумя ранеными и рацией, тебе никак не поспеть к назначенному времени... Вот что, Тенин, – лейтенант, скрипнув зубами, достал из планшетки фонарик и карту, – тут рядом должно быть большое село. Нам надо добраться туда и попросить помощи у местных жителей... Риск, конечно, велик, но другого выхода в сложившейся ситуации не вижу...»

Сколько прошло времени, Алёша не помнил. Проваливаясь в вязкий снег и сбивая дыхание, он тащил за собой вначале одного раненого, а затем бегом возвращался за вторым. Так и перемещались.

А потом он услышал пение. Чистый женский голос был едва уловим, и Алёша услышал его, только когда остановился перевести дух. Забыв об отдыхе, он рванул на этот голос, обрушивая за шиворот обжигающие потоки снега. Наконец, мелкий ельник расступился, и разведчик оказался на опушке леса у небольшого сельского кладбища. На другом конце его, на пригорке, он увидел церковь. Тёплым светом лучились её высокие, забранные витыми решётками окна. Оттуда и доносилось пение. Алёше вдруг вспомнился сон...

Часть III

Наказав прихожанам скорей расходиться по домам, отец Алексей спустился вместе с разведчиком к лесу...

Раненых перенесли в дом настоятеля. Тут им помогли оставшиеся в церковном дворе люди – многие, несмотря ни на что, решили встретить светлый праздник Рождества Христова в храме. Матушка уже согрела воду и приготовила перевязочный материал.

Только успели омыть раны и заново перевязать раненых, как в окно настойчиво постучали. Эта была одна из прихожанок. «Ой, батюшка, я с полдороги вернулась, огородами бежала... Немцы сюда идут! С собаками!» – закричала она с порога. Отец Алексей краем глаза заметил, как сразу напрягся красноармеец, как потянул с плеча автомат. Решение пришло мгновенно. «Быстро раненых в храм. Если идут по следу, то с собаками здесь точно найдут, а в храм, дай Бог, зайти побоятся». Окровавленные бинты матушка быстро собрала в сдёрнутую со стола скатерть, которую тут же завязала узлом...

«Потерпите, ребяташки, ещё немного, – ласково сказал раненым настоятель и, побагровев от напряжения, поднял

на руки Красикова. – Глядишь, с Божьей помощью и провёмся».

Как хорошо и покойно было в храме. Казалось, что никакое зло не в силах проникнуть сюда. Странное, доселе не испытываемое волнение вдруг охватило Алёшу. Забытые запахи и воспоминания нахлынули на него...

Раненых отнесли за иконостас, и матушка осталась вместе с ними.

«Немедленно снимайте всю свою амуницию и эти белые одежды, – сказал настоятель Алёше, указывая на маскалат. – И полушубок тоже снимайте». Сам он споро стащил с себя епитрахиль и ризу, которую протянул разведчику: «Наденьте это... Да возьмите в руки подсвечник...»

Вещи и оружие отец Алексей тоже отнёс за иконостас. Матушка сидела подле раненых и бескровными губами шептала слова молитвы. Отец Алексей подбодрил её взглядом и, затворив за собой дверь, вышел через Северные врата в храм.

Уже надевая поверх рясы епитрахиль, спросил: «Как звать-то?» «Рядовой Тенин... то есть Алёша, Алексей», – ответил красноармеец, дёрнув худой шеей. «Тёзка, значит... Крещёный ли?» Последнее батюшка спросил без всякого умысла, но не мог не спросить. «Крещёный, – ответил Тенин, оправляя на плечах ризу. – Бабушка тайком от родителей крестила...»

Снаружи послышался собачий лай и резкие окрики на немецком... Отец Алексей оборотился в сторону иконы Божьей Матери и перекрестился. Жёлтый свечной свет скрывал его мертвенную бледность.

В храм вошли только офицер и автоматчик. Офицер стянул с рук перчатки и осмотрелся. Снаружи заходились лаем собаки...

«Wer ist? Кто это?» – спросил немец и бесцеремонно ткнул перчатками в грудь Алёши. «Мой... псаломщик, – спокойно, с едва заметной заминкой, ответил батюшка, неотрывно глядя на чёрное дуло автомата, наставленное на них солдатом. – По храму мне помогает, на праздники псалмы поёт...» «Psalmleser? – переспросил офицер, глядя на осунувшуюся, небритую физиономию «псаломщика», и тут же приказал ему: – Anzingen! Пой!» В глазах немца плясало неверное пламя свечей, что придавало лицу его что-то зловещее. «Суций бес, прости Господи», – пронеслось в голове отца Алексея. «Возьми требник, Алёша, – сказал он, указывая на большую старую книгу, лежащую на деревянной подставке. – Читай громко и торжественно». И затем полушёпотом, делая вид, что помогает парню открыть нужную страницу, спросил: «Какую-нибудь молитву-то знаешь?» Тенин кивнул. Сердце бешено колотилось у него в груди. Подумалось в отчаянии: «Жалко, гранату при себе не оставил... Вышел бы во двор – и...» «Читай!» – уже повелительно сказал батюшка.

«Отче наш...» – начал севшим от волнения голосом Тенин, заворожённо глядя в раскрытую перед ним книгу и не

видя её, — Иже еси на небесех, Да святится Имя Твое...» Слова, что учил когда-то в детстве, сейчас, казалось, сами приходили к нему откуда-то извне. «Да приидет Царствие Твое...» Голос его окреп и заполнил собой всё пространство храма. «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» Прихожане, боязливо столпившиеся у входа, стали несмело вторить Алёше: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Настоятель, не сводивший глаз с офицера, вдруг обратил внимание на внезапную перемену, произошедшую в его лице: оно выражало неподдельный ужас, а взгляд, до этого сверливший «псаломщика», был обращён в другую сторону. «Господи, Она же плачет... Божья Матерь плачет!» — закричал тут кто-то из старушек. Настоятель обернулся, и благоговейный трепет вмиг объял его: по византийскому лику Богородицы текли слёзы... «Genug! Довольно!» — буркнул испуганный немец и, резко повернувшись на каблучках, выскочил прочь вместе с сопровождающим его автоматчиком.

Потрясённые люди молча глядели на явленное им чудо. Лишь лёгкое потрескивание свечей нарушало тишину, воцарившуюся в храме. Тенин, до конца ещё не осознавший происходящего, в растерянности смотрел то на настоятеля, то на мироточащий лик Богородицы...

«С Рождеством тебя, Алёша! — нашёлся, наконец, батюшка, украдкой вытирая набухающие слезами глаза, и, обведя лучистым взглядом всех своих прихожан, добавил, — С Рождеством вас, братия!»

Вместо эпилога

Когда к самолёту, приземлившемуся на лесной поляне меж сигнальных костров, вместо ожидаемой разведгруппы вдруг вышел из тьмы седовласый бородач в высокой шапке-скуфье и одежде до пят, у лётчиков чуть было не случился инфаркт. Осторожно ступая по вязкому снегу, бородач нёс на руках раненого лейтенанта. Следом рядовой Тенин тащил санки с сержантом Красиковым... В нагрудном кармане гимнастёрки у Алёши лежал подарок настоятеля — маленький серебряный крестик. Надеть его на себя он пока ещё не решился...

Текст: Марина Гордон

Иллюстрации: Андрей Румянцев

Мой

Медный эмалевый крестик был самым удивительным предметом в моём детстве. С ним не могла сравниться даже кукла Аришка, такая хорошенькая в своём красном атласном сарафанчике и шитой золотом косынке.

Ведь Аришку, гревшую чайник с заваркой, я видела всякий раз, приезжая к бабушке, а крестик – только когда открывался большой шкаф, где стопками были сложены простыни и кружевные ночные рубашки. Гладкое нутро шкафа благоухало заграничным мылом «Люкс»: в магазинах такого не продавали. Крестик лежал на полке, завёрнутый в две батистовые распашонки. Их когда-то носила я. Цепочку крестик заменяла розовая шёлковая ленточка, поблёкшая и мятая, будто её долго жевали – да, наверное, так и было. Ведь меня крестили в полгода, а дети в этом

возрасте тянут в рот всё подряд. С тех пор я крестик не надевала, а почему – сейчас расскажу.

Дело в том, что в те годы верующих в России не было. То есть они, конечно, были, но все делали вид, будто их нет. И Бога, и Церкви тоже нет. Хотя Богоявленский кафедральный собор, называемый в народе Елоховской церковью, старинный и величественный, спокойно высился на площади близ метро «Бауманская». В Елоховской крестили Пушкина. А также меня, моих подруг и будущих одноклассников – полтора века спустя. Но никогда,

ни на ком, ни в поликлинике, ни в бассейне, ни в пионерлагерной спальне, я не видела крестика. Знак нашей приверженности ко Христу хранился в тесной глубине коробочек, шкатулок и прочих тайников, организованных взрослыми безопасности ради. Если бы воспитатели и учителя обнаружили крестик, им пришлось бы сообщить об этом «куда следует». А дяди, работающие «где следует», проинформировали бы родительское начальство, и тогда мамам и папам влетело бы по первое число за то, что они «затуманивают ребёнку мозги религиозным дурманом». Хотя за веру уже не расстреливали и не загоняли в лагерь, да и воспитатели были в большинстве своём честными людьми, а не доносчиками, рисковать никому не хотелось. Ведь открытая демонстрация веры означала, что о путёвках на море, продуктовых заказах, где попадались разные вкусности, и прочих поблажках, которыми государство порой баловало простых граждан, придётся забыть. И, конечно, ни о какой карьере для верующего даже речи быть не могло. Поэтому взрослые старательно прятались друг от друга, а дети ходили без крестов. Лишь церкви по-прежнему устремляли купола к Божьему небу. И хотя мало осталось в те годы незакрытых, неразграбленных храмов на Руси, священники в них продолжали крестить и отпевать православный люд. Реже – причащать, исповедовать, венчать, соборовать...

У нас в доме не было Библии. Зато имелся чёрный молитвослов и несколько икон. Самая старая, в массивном деревянном окладе, стояла в комнате прабабушки (Бабули Старенькой, как я её звала). Другие, простенькие, на картонной основе, были приклеены с внутренней стороны к дверце кухонной тумбы. Иногда я видела, как мама стоит на коленях перед распахнутой дверцей с Бабулиным молитвословом в руках.

От кроткой Бабули никто никогда не слышал резкого слова. Запершись, она часами молилась, преклонив колени, от чего они стали совсем как у верблюда – такие же мозолистые. Бабуля строго соблюдала посты, разрешая себе, по немощи, лишь молоко. Это она убедила внучку-пионерку, молившуюся на портрет вождя: «Дорогой товарищ Сталин,

сделай, чтобы я сегодня получила пятёрку!» – креститься в церкви. Мама послушалась и даже вызубрила несколько молитв, которым потом научила и меня. По дороге в школу я твердила непонятное «хлебнашнасущныйдаждьнамднесь», обращаясь к далёкому Богу и зная лишь, что Он – есть.

На Пасху меня брали святить куличи в Елоховскую. «Воскрес, воистину Воскрес», – звучали странные слова, и всё наполнялось тихой радостью. Как сейчас вижу яичко цвета изумрудной июльской травы, притаившееся в соседней корзинке. Пасхальных наборов ещё в помине не было, яйца красили луковой шелухой, и они получались одинаковые, красно-бурые, так что за каждым яичком, покрашенным в необычный цвет, таился особый секрет хозяйки-умелицы.

Так мы и жили. Прозрачный огонёк веры, поддерживаемый стараниями Бабули Старенькой, еле теплился, но всё-таки не гас.

Однажды в доме появилось Евангелие. Что это за книга такая и кто её написал, я узнала в пионерлагере, в блаженные дни пересменка. Для вожатских детей – сплошная радость: ни тебе зарядки, ни прогулок строем, ходи по всей территории, купайся хоть до посинения!

Последний из вольных денёчков катился к закату. Мы с Юлькой, которая была на три года старше и дружила со мной от скуки, сидели на террасе, не зная, чем заняться.

– Хочешь, секрет скажу? – спросила вдруг она.

– Ну давай, – обрадовалась я, вдохновлённая перспективой узнать Юлькины тайны.

– Никакого атомного взрыва не будет. Будет Конец Света. Тогда злые умрут, а хорошие оживут. Так сказано в Писании. А Писание – от Бога, Он его дал. Но ты никому не рассказывай: эта Книга – запрещённая.

Я обалдела. Так вот оно что! Выходит, все разговоры про «тот свет», про душу, невесомой голубой ниточкой улетающую от покойника, про то, что за тобой всегда наблюдают сверху, – правда! Так я и знала! Юлька ещё что-то объясняла в тот вечер, но я не запомнила, до краёв переполненная открывшейся истиной.

«Запрещённое» Писание попало к нам, когда мама подрабатывала машинисткой у старого профессора-филолога. В его квартире громоздились Гималаи книг; через книги, лежащие на полу, были протоптаны узкие дорожки, по которым приходилось пробираться с ежеминутным риском опрокинуть очередной пыльный Эверест. Когда одна такая гора всё же рассыпалась, её обломок внезапно расцвёл ярким клеёнчатым переплётом. Это было карманное Евангелие на русском языке, изданное где-то за рубежом. В кармане оно и очутилось.

– Если от многого взять немножко, это не кража, а просто делёжка, – шёпотом процитировала мама, краснея, как рак, и быстро защёлкнула сумочку. Профессор пропажи не заметил: он был неверующий. С тех пор мама всегда носила Евангелие при себе, пока однажды не забыла на туалетном

столике. Трепеща, я открыла первую страницу, и... «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его...» Запутавшись, я отложила книгу.

Это было в самом начале лета. А в конце его, когда листья начали желтеть, мама заболела, и её забрали в больницу. Увезли на «скорой» в неизвестном направлении, но я помычалась по следам, и нашла, и прибежала, и дежурные пустили меня в палату, хотя час был абсолютно неприёмный, и мы обе ревели белугой, потому что её уже успели пугнуть страшным диагнозом. Никогда раньше мне не приходило в голову, что мама может умереть, уйти навсегда – и я её больше не увижу. Теперь я сама становилась по вечерам на колени перед раскрытой тумбочкой и, плача, повторяла трудные церковнославянские фразы, путаясь, заплетаясь, но твёрдо зная: пусть я не понимаю половины слов – Господь Иисус Христос, Распятый на кресте; Бог, пристально смотрящий с иконы в самое сердце, Бог, в Чьих руках жизнь, моя и мамина, рядом. Он слышит меня.

Вскоре маму, худую, с запавшими щеками, выпустили из больницы: диагноз не подтвердился. А мне, взамен давно затерявшегося крестильного крестика, купили образок на цепочке: синий колокольчик с солнцем иконки посередине, на которой Младенец доверчиво тянется к Своей Матери. И я повесила его на шею.

2007

ЛУПИНА

январь - март

Текст: Анастасия Колпакова
Фото: Юрий Кавер

Город-звон

В 1756 году сподвижники купца Мальцова, подыскивая подходящий участок для хрустального завода, вдруг вышли к реке Гусь — и ахнули: целая стая диких гусей враспыленную рванула от них по водной глади.

Птицы давным-давно улетели из этих мест, но память о них осталась: сегодня туристы увозят из города множество хрустальных гусей с выгнутой шеей. Лапчатые водоплавающие давно стали визитной карточкой города, подобно тому, как пряники и самовары ассоциируются у нас с Тулой. Это волшебный город, город-звон, город, где в раскалённых печах из огненной массы рождаются кубки, фужеры, подвески, блюда, блюдца и стеклянные цветы — Гусь-Хрустальный.

Думаю, что любовь к сиянию и блеску хрусталя мне досталась от бабушки. Помню, осторожно доставая из шкафа высокие матовые, словно заиндевевшие бокалы, она протирала их мягкой тряпочкой и ставила назад. В чёрном нутре шкафа они казались диковинными цветами из царства Деда Мороза. Я даже мысленно представляла себе, как их делают: наверное, едут куда-нибудь в Бразилию, роют там глубокий карьер и с самого дна достают огромные стеклянные глыбы, из которых потом уже вытачивают подвески, и рюмочки, и тяжёлые штофы, и стеклянных зверюшек.

Оказалось, всё совсем не так. Хрусталь делают из совершенно непохожих на него и довольно прозаических компонентов — песка и оксида свинца. Правда, чтобы понять, как из непривлекательной, буро-коричневатой по своей природе стеклянной массы получить нечто, сверканием своим напоминающее бриллиант, человечеству потребовалось не одно тысячелетие. Хрусталь, впервые вышедший — совершенно случайно! — из рук химиков в XVII веке в Англии, получился ярким, прозрачным, нежно звенящим. Вдобавок его можно было гранить, как драгоценный камень.

В России производство хрусталя тесно связано с именем одной из богатейших дворянско-купеческих династий — Мальцовых. Именно Мальцовым обязан «хрустальный город» Гусь своим возникновением. Разросся он вокруг фабрики, основанной в 1756 году купцом Акимом Мальцовым. Первое упоминание о градообразующем предприятии — Гусевском заводе — относится к 1778 году: «...Акима Мальцо-

ва при речке Гусь и сельцо Гусь называется, где фабрика заведена, делают стаканы и рюмки простые. В сельце душ до ста крестьян...». Да, действительно «стаканы и рюмки простые» — ориентация на небогатого покупателя, для которого раньше стекло было недоступной роскошью, позволила быстро распространить мальцовские изделия по всей России. Впрочем, завод вскоре наладил выпуск не только дешёвой посуды, но и весьма изысканных вещей, поставлявшихся к императорскому двору.

Вот как писали о заводах Мальцова в 1817 году «Владимирские губернские ведомости»: «Во Владимирской губернии заводов находится хрустальных и стеклянных 16. Но из самых лучших хрустальных и стеклянных заводов почитается... гвардии корнета Сергея Мальцова. На нём бывает лучшая отделка различной хрустальной посуды, которая не уступает даже аглицкой. Особенно сей завод славится отделкой посуды, так называемой брильянтовой». А знаменитая «мальцовская» алмазная грань, «мальцовская» форма декорирования образовали целое направление в искусстве художественного хрусталя. Уже в 1829 году Иван Сергеевич Мальцов, внук основателя завода, получил на Первой

На Гусевский хрустальный завод поступает множество необычных заказов. Так, например, некий заказчик попросил изваять в хрустале часовню для могилы на Ваганьковском кладбище. Для Министерства путей сообщения были созданы хрустальные макеты электричек, для Федеральной службы охраны Президента на заводе изготовили хрустальную «Царь-пушку», для Патриарха Московского и всея Руси Алексия II изваяли хрустальную митру. А когда на заводе побывал сам Президент России Владимир Владимирович Пу-

Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге большую золотую медаль «За отличный хрусталь».

В середине XIX века здесь появляется стекло, имитирующее золото и серебро. Это изделия в восточном стиле «азиатского» рынка, к примеру, кальяны. Выпуск подобных вещей был не случаен. В 1828 году владелец Гусевской хрустальной фабрики Иван Сергеевич Мальцов был назначен первым секретарём при русской миссии в Персии, которую возглавлял писатель А.С. Грибоедов. Мальцов оказался единственным человеком, которому удалось остаться в живых во время трагической гибели русского посольства во главе с А.С. Грибоедовым. В знак искупления вины перед русским правительством и лично Мальцовым персидский шах разрешает беспрошленную торговлю хрусталём в Персии.

В конце XIX века мальцовский хрусталь получает всемирное признание: в 1893 году на выставке в Чикаго продукция завода получает бронзовую медаль и Почётный диплом, а в 1900 году в Париже – высшую награду Гран-при.

С 1880-го по 1913 год заводом руководил племянник Ивана Сергеевича – Юрий Степанович Нечаев-Мальцов, вписавший особенную страницу в историю города. В 1900 году он добился переименования поселения Гусь-Мальцовский в Гусь-Хрустальный, обозначив в забавном названии суть производства. Это имя не забылось. Где сейчас выпускают отечественный хрусталь? Понятно, в Гусе-Хрус-

тальном. Кто и не знает – догадается. Изделия гусевского завода сегодня, как и в XIX столетии, отличают особый почерк огранки и уникальные «вокальные» качества хрустала.

Рождение хрустала завораживает. Масса для его изготовления плавится в печах при температуре в полторы тысячи градусов. Мастер-выдувальщик с помощью длинной металлической трубки берёт из печи каплю жидкого вещества и выдувает её в форму. Хрусталь застывает почти мгновенно, поэтому для такой работы нужна твёрдая рука и недюжинная сноровка. После выдувания изделие обжигают в печи при 700 градусах и обрезают. И только после этого наносят рисунок с помощью алмазных резцов и до блеска полируют кислотой.

На протяжении всей истории завода на нём работали люди, которые из поколения в поколение передавали свой опыт и мастерство. Самые знаменитые стеклоделы – это Зубановы и Травкины. Максим Зубанов прославился созданием сюжетного алмазного рисунка из трав и цветов под названием «светлое растение». А Травкины вошли в историю как создатели знаменитых гравировочных композиций на стекле. О мастерах, оставивших о себе память в хрустале, сохранилось множество легенд. Одна из них – о Разумее Васильеве, алмазнике-умельце. У него была

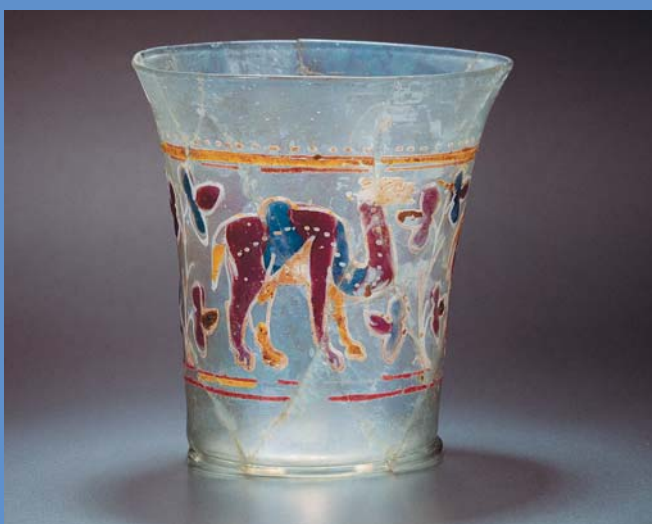

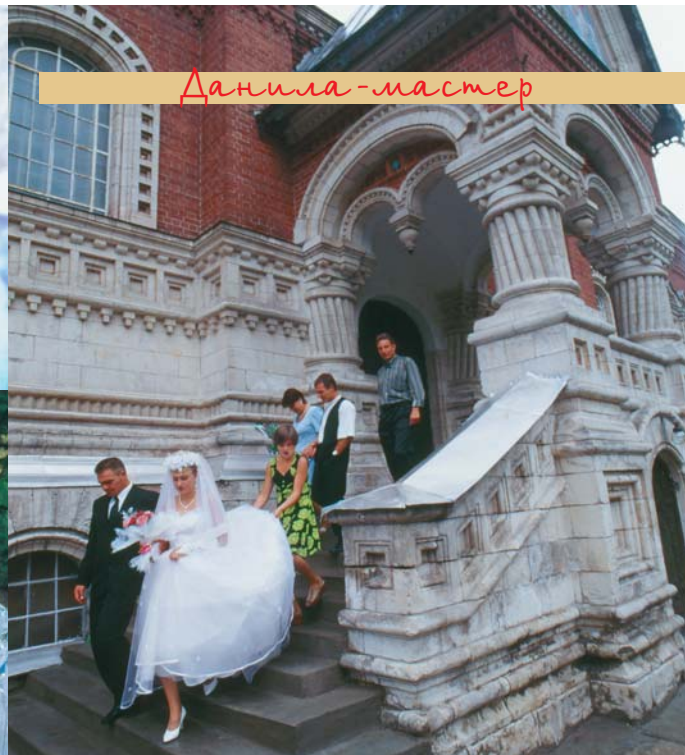
Гусевской Музей хрусталя принял своих первых посетителей в 1983 г. Здесь можно увидеть и хрусталь с алмазной гранью, и бокалы в восточном стиле из многослойного стекла «под золото», и целые пейзажи на вазах, выполненные в технике французского художника Галле.

«Просветлить» жёлто-бурое стекло, замутнённое инородными включениями, впервые сумели в XIII веке в Венеции. С тех пор словосочетание «венецианское стекло» известно всему миру. Однако гениальные химики не спешили ни с кем поделиться своим открытием. Всё венецианское стеклодувное производство было сконцентрировано в одном месте, на острове Мурано, – с печами, потомственными мастерами и

огромным числом охранников, которые их никуда не выпускали. Мастера наделялись дополнительными гражданскими привилегиями и получали по тем временам огромные деньги. Однако при попытке покинуть страну стеклодува, согласно закону, подвергали смертной казни. Тайна изготовления прозрачного стекла хранилась не менее тщательно, чем в Древнем Китае – рецепт фарфора. Но то, что в Испании,

Данила-мастер

№1(14)

единственная дочь. Зимой она тяжело заболела и просила принести ей цветы. Тогда, оставшись после работы, Разумей из остатков цветного стекла сделал ей вручную дивной красоты стеклянный букет. Композиция эта так и называется «Стеклянный букет». Девочка же, увидев разноцветные стеклянные цветы, выздоровела.

Кстати, после того, как химики добились получения бесцветного хрустала, им потребовалось немало времени для того, чтобы понять, как его окрасить. В ходе опытов было установлено, что красный цвет стеклу придаёт добавление кадмия или соединений золота, кремний окрашивает хрусталь в розовый цвет, окись меди и окислы марганца делают хрусталь зелёным и фиолетовым соответственно. Но и здесь немало тонкостей. Так, например, можно получать разные оттенки с помощью разных (в том числе редких) металлов. Тот же красный получается кирпичным, если в стекло добавить соли меди, ярко-алым — при применении солей золота и кисельно-розовым — если в расплавленную стекломассу добавить селен.

Как хороши гусевские вещи из цветного накладного хрустала! При их изготовлении хитрость состоит в том, чтобы успеть ещё не застывший бесцветный стеклянный пузырь оку-

нуть в цветную массу. Когда изделие остынет, мастер огранки срежет по рисунку цветной слой и покажет нижний, прозрачный.

А «заиндевелые» хрустальные бокалы, которые стояли в шкафу моей бабушки, делаются так: по рисунку на бокал наносится кислотоупорная смола, а затем всё опускается в кислотный раствор. Поверхности, не защищённые смолой, становятся чуть шероховатыми, словно на них дохнул лёгкий морозец.

Но самый известный в России способ отделки хрустальных изделий — технология алмазного гранения «русский камень». Она была изобретена ещё в XIX веке и сегодня является одной из самых сложных. Но именно она выявляет самое ценное качество хрустала — его способность поймать луч света и преломить в целый сноп искр. Суть этой технологии состоит в том, что на поверхности толстостенных хрустальных предметов прорезаются клиновидные пересекающиеся бороздки, расчленяющие поверхность на крошечные выпуклости — ромбы, квадратики, пятиугольники, — напоминающие гранёные драгоценные камни. Так создаётся тончайшее стекло, узорами своими напоминающее кружева.

Кстати, хрусталь очень нежен и нуждается в правильном уходе. Моя бабушка мыла его в чуть тёплой воде с раствором соды, а после мытья протирала для блеска шерстяной тряпочкой с подсиненным синькой крахмалом. Она научила меня и отличать поддельный хрусталь, стоящий на полках магазинов, от настоящего. Признаком кустарной подделки является наличие пузырьков в толще стекла, мутность хрустала, трещины и отколы. Но самое главное, что отличает контрафакт от подлинного хрустала — необыкновенный, «малиновый» звон (а не сухое клацанье), который издают все настоящие изделия, будь то огромная ваза или самая крошечная статуэтка.

Дед Мороз и зайцы

Текст и фото: Светлана Архипова
 Постановочное фото: Асия Журавлева

Новогодняя ночь — сказочная пора, обещающая чудеса и сюрпризы. Мерцание разноцветных огней на новогодней ёлке, радужный блеск фольги, заораживающая хрупкость стеклянных шариков и шишек, долгожданное и всегда таинственное появление из неведомой заснеженной страны Деда Мороза — что может быть желанней для ребёнка, живущего в волнующем ожидании праздника.

Из года в год мы ждём от новогодней ночи волшебства, верим в исполнение мечты и ждём чуда, которое предопределено самим ходом времени, которое обязательно произойдёт, надо только ещё немножко потерпеть. Но терпения уже почти не остаётся, и тогда мы, чтобы наполнить ожидание действием, начинаем готовиться к празднику.

Есть много занятий «не на один вечер», которые помогут сделать ожидание радостным и лёгким. Можно склеивать разноцветные гирлянды и фонарики, вырезать из фольги блестящие звезды, а можно своими руками сделать из ваты и клейстера новогодний конструктор и собирать из него игрушки для ёлки и сувениры для гостей.

Приготовимся к работе

Вам понадобятся инструменты и материалы, которые есть в любом доме:

- фольга
- вата
- ватные диски
- клей ПВА
- клейстер
- широкая кисточка для клея
- тонкая кисточка для росписи
- доска для лепки
- гуашь или акриловые краски
- цветные салфетки
- ножницы
- лак с блёстками

1

Лепим снежку

■ Для начала нам надо накатать шариков из мятой фольги. Тогда готовые ватные шарики получатся лёгкими, при этом не будут проминаться под пальцами при случайном нажатии на них во время склейки и росписи. Рис. 1.

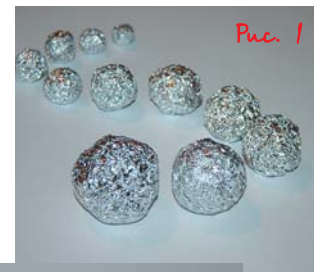
■ Теперь все шарики из фольги нужно обернуть несколькими тонкими слоями ваты, стараясь расположить её по всей поверхности равномерно, чтобы не потерялась круглая форма наших снежков. Рис. 2.

■ После того как ватных шариков наворачено достаточное количество, надо их «заморозить». Для этого можно использовать с равным успехом как клей ПВА, так и крахмальный клейстер. ПВА удобно наносить широкой флейцевой кисточкой, а в клейстере шарики лучше «купать». Рис. 3.

■ Когда все ватные шарики покрыты клейстером, как пончики глазурью, половина дела сделана. Оставляем наши заготовки на доске для лепки или прорезиненной салфетке в месте, где их никто не потревожит. Рис. 4.

■ Некоторые детали из ватных дисков надо формировать сразу – ещё до сушки. Например, рукава для шубы Деда Мороза и колпачки для снеговиков у нас получились из свёрнутых кулёчком дисков. Если сложить под прямым углом и склеить между собой четыре диска, после сушки, фигурной обрезки и покраски из этой конструкции получится ёлочка. Так можно сделать целый лес. Рис. 5.

Через сутки шарики полностью высохнут при комнатной температуре, и на следующий день вам останется только сложить ватный конструктор в коробочку и начать собирать из него фигурки и раскрашивать их. Это вторая половина дела – самая интересная.

2

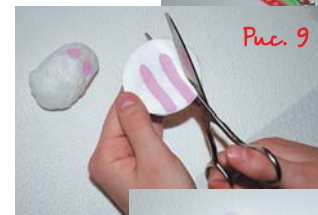
Дружим семьями

■ Для разминки попробуйте сделать самое простое – слепить снеговика. Для этого нужно выбрать самый большой ватный шарик и приклеить к нему пирамидкой два шарика поменьше. Склеивать шарики между собой можно клеем ПВА, он очень прочно скрепляет ватные детали, но сохнет не очень быстро. На этом этапе работы (для скорости) ПВА можно заменить глитерным или силикатным клеем. Рис. 6.

■ Из шариков поменьше делаем снеговикам руки, из ватного диска, свёрнутого кулёчком – колпачок. Рисуем лицо, горошины на колпачке – снеговик готов. Рис. 7.

■ Можно сделать целое семейство снеговиков, они все получатся разные, если их по-разному нарядить. Не обязательно расписывать снеговиков красками. Можно воспользоваться цветными салфетками: вырезать из них детали картинок, которые вам понравятся, и аккуратно отделив самый тонкий цветной слой от остальных, наклеить их на нужные места. Этот приём называется «украшение в салфеточной технике». Он хорош тем, что по силам даже самому маленькому ребёнку. Рис. 8.

■ Придумайте для каждого снеговика свой наряд и посвятите им отдельную ветку. На соседней ветке можно поселить выводок зайцев. Пусть дружат семьями. Зайчики (и любые другие зверушки) делаются в такой последовательности: на ватных дисках надо нарисовать все мелкие детали (ушки, лапки, хвосты) и вырезать их, расписать мордочку зайца и приклеить уши, лапы и хвосты к туловищу, когда гуашь высохнет. Зайчики делаются очень быстро. Их можно готовить в количестве не меньшем, чем вы пригласите гостей, и использовать в качестве новогодних подарков. Посадите всех зайцев в одну корзинку и поставьте под ёлку. Пусть каждый гость сам выбирает пригласившегося зайчонка. Рис. 9 и 10.

Дед Мороз, который с тобой заодно

■ Пластиковый Санта на батарейках, танцующий зажигательные танцы под веселую мелодию, выглядит очень забавно. Но, глядя на него, как-то не верится, что он хорошо понял, что именно тебе хочется получить от него в подарок. Вот Дед Мороз, в которого ты вложил тепло своих рук, – совсем другое дело. Он знает все твои мечты и уж точно постарается тебя не разочаровать.

■ Для шубы Деда Мороза нужна деталь нестандартной формы. Об этом надо позаботиться еще на стадии валяния шариков. Сворачиваем из фольги не шарик, а конус, маскируем его ватным слоем. А потом проклеиваем и сушим так же, как и шарики. Рис. 11 и 12.

■ Из ватных дисков вырезаем бороду и половинки воротника шубы. Рис. 13.

■ Шарик, который предназначен для головы Деда Мороза, надо внимательно рассмотреть со всех сторон. Каким бы аккуратным он ни был, всё равно поверхность его не идеально ровная. Вдруг с какой-то одной стороны вы угадаете черты лица, которые надо лишь чуть подправить и дополнить. Место будущего лица надо раскрасить цветом, который вам кажется наиболее соответствующим здоровому морозному румянцу. Рис. 14.

■ После того, как лицо раскрашено, начинаем собирать фигурку из ватных деталей. Приклеиваем к конусу шубы рукава-кулёчки и голову. Рис. 15.

■ Раскрашиваем шубу и шапку Деда Мороза. Детали воротника оборачиваем слоем ваты, чтобы он стал объёмным и мягким, и приклеиваем воротник и опушку из жгутиков ваты на шубу и шапку. Рис. 16.

■ Рисуем или приклеиваем глаза и нос, затем бороду и усы. Для того, чтобы опушки не растрепались со временем, можно закрепить их лаком из баллончика. Для этого лучше всего использовать лак с блёстками. Рис. 17.

■ Посох со звездой и мешок с подарками дополнят образ новогоднего волшебника как нельзя лучше. Теперь у вас есть свой собственный Дед Мороз, который точно не подведёт.

На страницах нашего журнала будут публиковаться самые интересные из них. Сегодня мы позначим вас с письмом нашей читательницы Елены Шутиковой

Ангел мой, будь со мной...

Этой коротенькой молитве меня еще в раннем детстве научила бабушка. Но впервые о существовании такого невидимого Защитника, оберегающего меня от всяческих зол и напастей, я серьезно задумалась где-то лет в 12 после необычного случая. В один из замечательных дней летних каникул я, уютно устроившись в кресле, буквально «поглощала» какую-то суперинтересную тогда мне книжку. Уже не помню, что

именно это была за книга: «Одиссея капитана Блада», детектив Агаты Кристи или что-то ещё. Помню только, что её чтение захватило всё моё внимание – не хотелось потерять ни минутки на какие-то другие действия. Поэтому на внезапно раздавшийся с кухни голос бабушки, звавший меня, я отреагировала не очень позитивно:

– Ну, чего?!

– Лена!

– Что??!!

– Лена!!! – причём в голосе бабушки появилась строгость – мол, сколько тебя можно звать, иди немедленно сюда.

... Вот не дадут даже почитать спокойно! Что такое? С этим вопросом, недовольная и возмущённая, я и прибежала на кухню. НА КУХНЕ НИКОГО НЕ БЫЛО.

Моя бабушка спокойно смотрела телевизор в другой комнате.

– Бабушка, ну зачем ты меня звала?

– Я звала? Кого?

– Меня – и ещё несколько раз?! Зачем я тебе понадобилась?

Наш разговор прервал какой-то грохот и сильный удар в моей комнате. Прибежав туда, мы увидели, что горшок с цветком, висевший над моим креслом, упал и лежит разбитый на полу. Не выскочи я несколько мгновений назад на голос «бабушки», страшной силы удар пришёлся бы аккурат по моей бедовой головушке.

– Это твой Ангел-Хранитель тебя позвал и отвел беду, – сказала мне бабушка, когда я во всех подробностях поведала ей все происшедшее.

Вот такая невыдуманная история.

АНГЕЛЕ БОЖИЙ, ХРАНИТЕЛЬ МОЙ СВЯТЫЙ, МОЛИ БОГА О МНЕ!

15 лет журналу
«Православная беседа»

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Главному редактору журнала Лебедеву В.В.

Уважаемый Валентин Владимирович!

От имени Центрального Совета Общероссийского общественного движения «Россия Православная» сердечно поздравляю Вас и редакционную коллегию с 15-летней годовщиной журнала «Православная беседа».

В течение пятнадцати лет многие из нас являются постоянными и очень заинтересованными читателями замечательного по содержанию и оформлению журнала. Благодаря усилиям редакционной коллегии и авторов статей Вам удаётся убедительно свидетельствовать о непреходящей красоте

и истине Святого Православия, побуждать читателей стремиться к совершенству, духовно-нравственному преображению, возвращению народа русского к его историческим и православным традициям.

Выражаю уверенность, что под Вашим руководством редакционный коллектив, как и прежде, с усердием и любовью будет осуществлять свою просветительскую деятельность на пользу Церкви и Отечеству.

С уважением
Председатель Центрального Совета А.И. Буркин

СОХРАНИМ
НАШЕ
НАСЛЕДИЕ
ДЛЯ
ПОТОМКОВ

ассоциация
КРИЛАК

противопожарные
СИСТЕМЫ

телефон 170 10 52

